

★ А ★ Н ★ Д ★ Р ★ Е ★ Й ★

ТАДЫНА

КРЫСА

УЛАНОВ

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Колдуны и капуста

Однажды на Диком западе

Андрей Уланов

Колдуны и капуста

«Автор»

2005

Уланов А. А.

Колдуны и капуста / А. А. Уланов — «Автор»,
2005 — (Однажды на Диком западе)

Welcome to the Wild Wild West! Добро пожаловать на этот их Дикий, Дикий Запад. Война против черных... то бишь темных эльфов в самом разгаре. Тролли и гномы у них на подхвате. Между тем действие происходит в Америке, а на дворе вторая половина девятнадцатого столетия! Научно-технический прогресс, новые веяния в моде, транспорте и вооружении, и все такое. Сражения на суше сменились морскими баталиями с участием подводных аппаратов. Короче, Жюлю Верну такое и не снилось...

© Уланов А. А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Уланов

Колдуны и капуста

От автора

Когда я узнал, что мое написанное в момент острого приступа чувства юмора авторское вступление к роману «На всех хватит!» собираются сделать аннотацией, то все, на что меня хватило, – это тихо сползти под стол.

Когда же по прошествии получаса я вновь сумел кое-как сфокусировать взгляд на мониторе, выяснилось, что к этой аннотации еще и подобрали соответствующую картинку на обложку. Даже две – так, на всякий случай.

А поскольку книга была всего одна, выбора у меня особого не осталось. Пришлось садиться и писать продолжение – для второй картинки.

*Ход наугад, лот вперехват, без солнца в небесах.
Из тьмы во тьму, по одному, как Беринг – на
парусах.
Путь будет прост лишь при свете звезд для
опытных пловцов:
С норда на вест, где Западный Крест, и курс на
Близнецов.
Свет этих веж ясен для всех, а браконьерам вдвойне.
В пору, когда секачи ведут стаю среди камней.
В небо торос, брызги до звезд, черных китов плеск,
Котик ревет – сумерки рвет, кроет ледовый треск.
Мчит ураган, и снежный буран воем русской
пургой —
Георгий Святой с одной стороны, и Павел Святой
– с другой!
...а Божий закон и людской закон – не северней
сороковых!*

Редъярд Киплинг. Баллада о трех котиколовах

Глава 1

Где-то на полпути между

Фриско и Акапулько, Крис Ханко

Отрый форштевень яхты «Принцесса Иллика» рассекал волны с тихим отчетливым шипением.

– Еще шампанского, Николай? – предложил я.

Бывший – до недавнего времени – резидент русской разведки отрицательно качнул головой.

– А вот я, пожалуй, не откажусь, – задумчиво глядя на бокал, сказал я и, повернувшись, крикнул: – Миссис Ханко! Не желаете ли присоединиться... вместе с еще одним «Клико»?..

– Сейчас, милый...

Полгода назад подобное обращение заставило бы меня подскочить не хуже сноллигостера¹.

Я попытался в очередной раз воскресить в своей памяти тот – не столь уж, к слову сказать, далекий – миг, когда заспанный и донельзя удивленный старичок в потертой сутане объявил нас соединенными священными узами брака. И в очередной раз не сумел. В памяти остались лишь ветвистый рисунок молний за витражом, шум ливня и частое кап-кап-кап прохудившейся крыши, запах восковых свечей и горячая ладонь в моей руке. Проклятье, у нас ведь не нашлось даже колец – настолько спонтанно и быстро все получилось.

Не думаю, что старому священнику приходилось когда-либо проводить церемонию для столь странной пары. Одни только кобуры на поясе невесты... я вспомнил выражение ужаса, отразившееся на мгновение на его сморщенном личике, и подумал: в первый момент бедолага-священник попросту не разглядел, что один из его ночных гостей – женщина.

Впрочем, даже если бы все происходило по заранее намеченному плану и при ясном свете дня, не думаю, чтобы в мире нашлась сила, способная натянуть на будущую миссис Ханко белое платье.

Забавно, но я лишь сейчас осознал, что для того, чтобы второй раз наступить на те же грабли, избрал полную противоположность своей первой жены.

Лиз... теперь я наконец могу произносить ее имя, не чувствуя при этом вонзающегося в сердце ледяного лезвия. Вот она белые платья как раз обожала – хрупкая голубоглазая блондинка, сказочный мотылек, заботливо выпестованный в уютной тиши старинного луизианского особняка. Ее любили все, а уж родители и вовсе не чаяли в ней души. И даже в тот достопамятный день, когда она появилась на пороге, волоча за руку краснеющего юнца в ненавистой всем синей форме, и торжественно объявила им... черт, я был почти уверен, что мой будущий тесть попытается пристрелить меня, не вставая из качалки. Чудовищный мезальянс, невероятный, немыслимый моветон... я ведь даже не был «офицером и джентльменом»! Но ей и это сошло с рук, а сопротивление – увы, все мы крепки задним умом! – очередной выходке взбалмошного ребенка иначе как символическим назвать было сложно.

Что ж... Я, со своей стороны, честно попытался. Часами просиживал в столовой, пытаюсь сначала хотя бы запомнить названия бесчисленных ножей, вилок, бокалов и прочих предметов сервировки, а потом научиться пользоваться ими естественно и непринужденно (дворецкий Джейкоб, бедняга-негр, к концу наших уроков явственно *серел*). Танцевал по ночам со стулом в вытянутых руках под вековым дубом, пока *она* однажды не проснулась посреди ночи и, не

¹ **Сноллигостер** – мифический зверек, персонаж американского фольклора. Похож на маленького кенгуру, но при этом имеет похожий на сверло хвост. (*Здесь и далее – прим. автора.*)

обнаружив меня рядом, не выглянула в распахнутое окно, не рассмеялась и лично не занялась моим обучением – ей нравилось играть со своей новой игрушкой.

И, конечно же, я читал, читал, читал, с безмозглой прожорливостью аллигатора проглатывая книгу за книгой. Время для этого тоже приходилось урывать от сна, и тесть однажды здорово удивился, обнаружив меня под утро спящим в библиотеке с томиком Вольтера на коленях. Не помню уже, что я спросил у него тогда, но мы проспорили почти все утро и к завтраку спустились... ну почти друзьями.

Именно Поль Дегран первым понял и сказал мне... когда же это было? Ну да, весной, мы с Лиз только что вернулись из Европы – *она* непременно желала показать мне Париж и, разумеется, добилась желаемого. Так вот, примерно через неделю после нашего возвращения отец Лиз во время одной из наших, уже мало-помалу входивших в привычку послеобеденных бесед, внезапно запнулся и тоскливо взглянул на меня. А полминуты спустя тихо сказал, что я никогда не смогу стать хорошим мужем для Лиз – потому что мальчишка-юнионист вырос из образа подобранного на улице щенка. Тогда я не понял – или не захотел понять... и наш брак продлился еще год, три месяца и двадцать один день.

Ох, Лиз, Лиз... Стоило мне лишь прикоснуться к этому, казалось бы, надежно запертому в дальнем закутке памяти сундуку, как воспоминания ринулись наружу, словно всполошившиеся кролики. Апрельский Париж... небольшая уютная гостиница на берегу Сены. «Город маленького кораблика» напоминал тогда одну большую стройку – префект Наполеона Третьего барон Осман мыслил масштабно, как заправский архимаг, парой росчерков пера превращая кварталы лачуг в ряды фешенебельных особняков, и мы просыпались по утрам от грохота ломовых телег по булыжной мостовой. Первые несколько дней мне, заокеанскому провинциалу, было чертовски сложно свыкнуться с мыслью, что все звучные названия из книг – Лувр, Пале-Рояль – находятся в считанных минутах неспешной ходьбы по набережной. Правда, на саму воду лучше было не смотреть, да и принимать особо не стоило – а когда мы увидели, как ее набирают парижские водовозы, то единогласно решили заняться дегустацией французских вин.

Это были упоительнейшие дни – дни, когда мы целовались на Мостике Влюбленных, катались в кабриолете по Елисейским Полям, слушали вечернюю мессу, стоя у Нотр-Дам, бродили по Латинскому кварталу... Я улыбнулся, вспомнив, как на третий день, точнее, вечер этих прогулок сцепился с пятеркой подвыпивших студентов. Они увязались за нами... я не понимал их фраз, а покрасневшая Лиз отказалась перевести, но одни лишь ехидные ухмылки и наглые сальные взгляды, скользившие по ее белому платью, были, по моему мнению, вполне достаточным основанием.

Их было пятеро, и драться они, наверное, умели – в обычной уличной драке. Но по сравнению с Rebel Yell и штыковой за баррикаду на Балтимор-стрит – все равно что выпускать изнеженных комнатных собак против матерого волка².

Потом, в маленьком ресторанчике на углу, Лиз долго протирала мои, как она сказала, «рыцарские раны» смоченным в коньяке платком. Закончив же, потребовала у смуглого, больше похожего на грека, чем на француза, гарсона мороженое и заявила, что до темноты мы в гостиницу не вернемся. Потому как мой вид: стремительно наливающийся синяк под левым глазом, ссадина на щеке, измятая одежда и характерный аромат на десять ярдов вокруг – способен напугать нашу хозяйку до обморока.

² **Rebel Yell** – «клич мятежников»: «Он вызывал особое, непередаваемое при теперешних обстоятельствах скребущее ощущение, будто позвоночник проваливается вниз, – вспоминал после войны солдат-северянин. – Чтобы понять, надо это почувствовать, и если вы утверждаете, что слышали клич и не испытали подобного ощущения, значит, вы лжете!» **Баррикада на Балтимор-стрит** – видимо, Ханко имеет в виду ту из многочисленных в САСШ Балтимор-стрит, которая находится в небольшом пенсильванском городке под названием Геттисберг.

Мы поднялись на холм, и там, на фоне растворяющейся в вечерних сумерках белой громады Сакре-Кер один из местных обитателей за час и три франка запечатлел нас на акварели. А следующим утром мы отправились в Версаль...

– А вот и я! – торжественно объявила капитан «Принцессы Иллики», поставив на столик угловатую бутылку, украшенную до боли знакомой черной этикеткой, и, резко развернувшись, крикнула: – Мак, не спать за штурвалом!

– Вообще-то, – напомнил я, – речь шла о шампанском.

– Этим дурацким изобретением болвана-монаха ты, Крис Ханко, можешь сколько угодно накачиваться без меня, – весело отозвалась моя жена. – А раз уж позвал, то тебе придется смириться с моим выбором. *N'est-ce pas*³, граф?

– Вы великолепно выглядите в этой форме, – дипломатично отозвался Рысьев. – Нашивки Коммодора Флота Ее Величества, если не ошибаюсь? Шляпа, правда, немного выбивается...

– Вы уже семнадцатый, кто это говорит.

– Девятнадцатый, – поправил я. – Ты забыла приказчика в магазине... и меня.

За это напоминание я был немедленно вознагражден взглядом, исполненным далеко не признательности, и в очередной раз тихо порадовался тому, что мне после первой примерки удалось уговорить Бренду расстаться хотя бы с кобурами.

После того как оба отрекомендованных нам «лучших военно-морских портных Фриско» практически в одних и тех же выражениях отказались порочить «высокое искусство своего ремесла» – это выражение меня восхитило особо! – шитьем капитанского мундира для дамы, мне пришлось... Скажем так, провозись я столько же над лотком в какой-нибудь пограничной речушке, добыча составила бы не меньше полуфунта. Умей я сам выступить в роли бравого капитана... но что поделать – в моем родном Кентукки с водными просторами неважно, условие же, выставленное мне свежеиспеченной миссис Ханко, было категоричным: настоящий капитанский мундир против штурманских курсов.

– В остальном же, – продолжил русский, – форма идет вам как нельзя лучше. И, не премину заметить, отлично сочетается с кораблем.

– Еще бы, – буркнул я. – Эта посудина на самом деле – крейсер в шкуре яхты.

Идея о свадебном морском круизе принадлежала Бренде. По ее собственному выражению, захотелось с шиком продефилировать мимо кое-каких окон. Мысль об обычном экипаже была отвергнута, как обладающая недостаточно убойной силой, а вот собственный корабль... наверное, на меня в тот момент нашло очередное умопомрачение в виде призрака удаляющихся белых парусов. Впрочем, все могло быть не настолько уж и плохо, только вот решение заказать корабль у гномов... да, конечно, это была единственная контора, в ценнике которой значились хоть сколь-нибудь приемлемые для нас цифры. Но что, спрашивается, могут понимать в судостроении эти пещерные карлики?

А я ведь битых три часа объяснял этому сморчку в мятой шляпе, как выглядел тот, исчезнувший за горизонтом, *ниэль*. Приволок с собой дюймовую пачку рисунков, две гравюры... Чертов гном внимательно слушал, вежливо кивал, поддакивал в нужных местах, а в конце беседы долго и старательно заверял меня, что их почтенная фирма «Крамп и Гнуф» непременно выполнит все пожелания уважаемого клиента. Как же, как же...

Малыш Уин – интересно, что сейчас поделявает чертов полукровка? – помнится, поименовал схожий случай «нежеланием перестраивать технологическую линию». Папаша выразился проще: «Лень лишний раз почесаться!»

Этим коротышкам чихать было на мои рисунки – у них имелся «чертеж сторожевого корабля проекта 317-бис». И заказ от канадской береговой охраны на двадцать три посудины

³ Не так ли? (*фр.*)

– так почему бы не приплюсовать к ним еще одну? Оптом ведь выходит дешевле, а предоплата все равно уже взята. В приложенных же к контракту спецификациях указана «парусно-двигательная яхта, такой-то длины, сякой-то осадки» – получите и распишитесь! «Что?» – «Как это «не то»? Паруса есть?» – «Да, если эти убудочные бабочкины крылья можно назвать парусами!» – «Вы ничего не понимаете, это последнее слово технического прогресса, рангоут с развитой механизацией...» – «В гробу я видел вашу механизацию... я какой изгиб форштевня заказывал? Это, по-вашему, лебедь?!» – «Это, по-нашему, наконечник эльфийского меча, если вы, мистер, такой уж приверженец эльфийских мотивов, а вообще-то данная конфигурация – оптимальная по критерию скорость-мореходность – получена в результате полутора сотен натуральных экспериментов в опытовом бассейне!» – «Да я вас...» – «Не советую, э-э, человек, не советую, на нашу фирму работают лучшие юристы Западного побережья, тоже, кстати, люди... искренне не советую связываться. Съедят!»

Впрочем, Бренде яхта понравилась. Паруса, изгибы – это все ерунда, заявила она, глядя на стоящее у пирса угловатое убожество. Главное – у кого больше пушка!

Пушка на гномьем творении, конечно же, была. И даже не одна. Длинноствольная скорострелка в носовой полубашне и легкая мортира на корме. Попадись нам под горячую руку какой-нибудь «Дункан»⁴ – пяти минут хватило бы на превращение его в щепки и пузыри.

Еще на яхте имелся таинственный «турбозубчатый агрегат», теоретически – я начинал ненавидеть это слово, особенно в устах гнома! – умеющий сообщать этой морской разновидности утюга гигантскую фантастическую скорость в двадцать пять узлов. Это если коротышки просто-напросто не подкупили комиссию во время прохождения мерной мили. Потреблял сей агрегат, судя по итоговой цифре в смете, представленной мистером Спарксом, неулыбчивым механиком – разумеется, гномом, нанятым по рекомендации все тех же Крампа и Гнуфа, исключительно серебро.

Что мы будем делать с яхтой по окончании свадебного путешествия, я пока не знал. Но вариант с поднятием веселого Роджера готов был рассмотреть всерьез.

Где-то в Меланезии, Малыш Уин

Вельбот стоял в мангровом болоте, ярдах в трех от берега, и доносившиеся из зарослей звуки побуждали Уина то и дело поглядывать на аккуратно уложенный вдоль борта пулемет.

Наконец из зарослей раздался особо громкий треск, сопровождавшийся чуть более приглушенными ругательствами на Старшей Речи.

Малыш усмехнулся и взялся за весло.

Роскошный, красный с многочисленным золотым шитьем – эполетами, обшлагами рукавов и так далее – мундир вексель-шкипера Пита Викки, равно как и украшавшая голову вышеупомянутого офицера треуголка с пером какаду, неплохо подходили для горделивого стояния на мостике или столь же надменного присутствия на каком-нибудь человеческом великосветском рауте. Против перемещения, тем более скрытного, по мангровой чащобе мундир решительно протестовал.

Впрочем, одежда спутника, точнее, спутницы вексель-шкипера на первый взгляд подходила для этого занятия еще меньше – хотя бы потому, что причислить к разряду этой самой одежды, не особо кривя душой, можно было лишь высокие кожаные сапоги. Неширокий же пояс и дюймовые кольца-серьги ничуть не мешали всем желающим убедиться, что мисс Роника Тамм является подлинным украшением человеческой расы... если не акцентировать внимание на том, как уверенно она обращается с укороченной пятистволкой. Надевать что-либо более основательное мисс Роника отказывалась. Очень категорически.

⁴ Ханко имеет в виду яхту из романа «Дети капитана Гранта».

Где молодая привлекательная европейка могла обзавестись столь странным тамбо⁵, Уин не знал и отнюдь не был уверен, что хотел бы узнать.

– Три! – выдохнул вексиль-шкипер, запрыгивая в вельбот. – Целых три, чтоб каменные черви им днище прогрызли, шхуны!

– Целых три или всего лишь три? – ехидно уточнил Малыш.

– Тебе смешно, да?

– Ничуть.

Мисс Тамм, как и подобало опытному наемнику, покинула враждебный берег последней, притом пятясь. То, какими телодвижениями... и теловращениями сопровождался этот маневр, заставило Малыша тоскливо констатировать, что он вот уже более двух недель пребывает вдали от семейного очага. Не то чтобы ему было столь уж непривычно воздержание... но к хорошему привыкают быстро, а за последние полгода миссис Уин, наверное, меньше всех прочих жен на свете заслуживала упрека в невнимании к супругу.

– Тогда чему, Тралла тебя пробери, ты улыбаешься?!

Злобный рык Пита Викки вывел полукровку из транса, вызванного гипнотическим покачиванием двух расположившихся как раз на уровне его глаз округлостей.

– Попытался представить, как могли бы выглядеть три *нецелые* шхуны.

Ответную фразу вексиль-шкипера заглушил надсадный рев подвесного мотора. Прочихавшись, чудо прогресса все же перешло на более мерное так-так-так-так.

Лавируя между топляками, Малыш с удовлетворением отметил, что по мере приближения к океану цвет лица Викки гармонирует с цветом мундира все меньше. Оказавшись же на борту кеча, вексиль-шкипер прежде всего снял треуголку, старательно вытерся добытым из кармана платком размером с хорошее полотенце, не преминув уделить особое внимание бороде, и, развернувшись к Малышу, примирительным тоном спросил:

– И все-таки, что нам делать с этими шхунами?

– Для начала, – спокойно сказал Уин, – я бы все же хотел услышать больше подробностей.

– Три двухмачтовые марсельные шхуны, – отрывисто произнесла Роника. – Одна явно глостерской постройки. На каждой по пять-шесть белых и примерно по пятнадцать матросов-канаков. Плюс сами ловцы жемчуга – еще две дюжины.

– Уже обшарили добрую треть лагуны, – ворчливо добавил Викки. – Еще день-другой – и они доберутся до отмели.

– Нашей отмели, – задумчиво уточнил Малыш.

– От тридцати до пятидесяти тысяч долларов, – выдохнул вексиль-шкипер. – Года через полтора, когда урожай созреет... но эти пещерные крысы не дадут ему созреть.

Урожай, тридцать процентов которого должно осесть в моем кармане, напомнил себе Уин. Да за такие деньги стоит перегрызть не одну глотку.

Он попытался представить себе этот жемчуг – окутанная нежно-молочным сиянием россыпь в две или даже три кварты. Потом перед его внутренним взором возникла Наури, чью изящную шею в несколько рядов обвивает жемчужное ожерелье... плюс еще одно на правой руке... и еще одно, из крупных, чуть неправильной формы, на талии... и больше на ней ничего нет...

– Интересно, с чего они вообще взяли, что здесь есть жемчуг? – произнес он.

– Разве можно предсказать, что взбредет в голову этим большеногам? – мрачно буркнул Викки, явно позабыв о том, что одна крайне вооруженная особа из числа помянутых большеногов находится не далее как в ярде от него. – Шепни одному из них, что в Антарктиде нашли золото – и через неделю Южный полюс окажется разделен на участки!

⁵ Тамбо – меланезийский аналог табу.

– И, разумеется, на каждом из этих участков будет красоваться патентованная палатка фирмы «Нуф, Снап и Дикенрайт», – усмехнулся Малыш. – А промывочные лотки...

– Я могу убить их. – Мисс Тамм осторожно прислонила пятистволку к бочке и, зевнув, деловито уточнила: – Всех.

– А патронов у вас хватит? – с интересом спросил Уин. – «Шинковалка», насколько я помню, держит темп три тысячи в минуту.

– Две восьмьсот. И у меня с собой пять стопатронных магазинов.

– Ага. И ближайшее место, где вы сможете пополнить запасы, – Фриско.

– Или Сингапур, – кивнул Викки. – Нет. Твое рвение, Роника, достойно гнома, но если в лагуне потом отыщут хоть одну гильзу... риск слишком велик. С другой стороны, – продолжил он, развернувшись к Малышу, – возможно, нам удастся уговорить местных обитателей проделывать эту, столь необходимую нам... *работу*.

– Возможно, – кивнул полукровка. – Когда мы были здесь в прошлый раз, здешний вождь среди прочего товара предлагал нам сушеные головы... белых тоже. Причем дешево – если пересчитать табак на деньги, выходило всего-то по два фунта.

– Думаю, – заметила наемница, – вы не смогли пройти мимо столь выгодных условий.

– Угадали, – кивнул Малыш. – Одну голову я купил. Рика Тревиса, штурмана «Сизой голубки». Бедолага месяцем раньше обыграл меня в покер на Гоблово... за три партии нагрел на пятнадцать гиней. Теперь вот никак не могу решить, что же с ним делать – то ли все-таки похоронить подобающим образом, то ли так и оставить на стене бунгало.

– Гномы... кха-кха, головы там тоже были? – осведомился вексиль-шкипер.

– Нет, – отрицательно качнул головой полукровка. – Я спрашивал. Говорят, плохой товар. Бороды, как правило, при копчении пропадают, и племена с гор не верят, что это головы взрослых... Что ж, – после минутной паузы продолжил Викки, – если обитатели этого острова и в самом деле столь кровожадны, полагаю, нам не составит особого труда сподвигнуть их на... требуемую *работу*.

– Три шхуны, – медленно произнес Малыш, – это очень жирный кусок.

На этот раз память полукровки услужливо развернула перед ним целый ряд картинок – зеркальную гладь лагуны, по которой быстро скользили десятки каноэ, огромного – футов шесть с половиной, если не все семь – дикаря, замахающегося палицей... запах горячего масла и металла от «винчестера»... пылающие хижины и радостный вопль старшего помощника с «Элизабет»: «Бей их, ребята!»

– Сотней дикарей больше, сотней дикарей меньше, – мотнул бородой вексиль-шкипер. – Или тебя вдруг обуяли родственные чувства... по линии жены?

– Пит, – укоризненно вздохнул Уин. – Мог бы уже запомнить, что Наури полинезийка, а черные уроды на острове перед нами – меланезийцы. Общего между ними самую малость побольше, чем между тобой и Роникой.

– Тогда какого тролля...

– Ты не дал мне договорить.

– Мои извинения.

– Три шхуны, – повторил полукровка, – это очень жирный кусок. Учитывая низкий, вернее, совершенно отсутствующий интеллектуальный уровень здешних туземцев – орки по сравнению с ними тянут на гениев! – и проявляемую ими склонность портачить везде, где только можно, я склонен предположить, что кому-то из экипажей удастся смыться. Если этому кому-то повезет с ветром, он через пару недель будет уже на Нью-Джорджии... а еще через несколько месяцев сюда явится из Сиднея британский крейсер и устроит ба-альшой тарарам.

– И что?

– И то, что, если местного царька, с которым ты жаждешь договориться, не разнесет снарядам, он с удовольствием постарается задобрить белых дьяволов рассказом о странных коротышках, которые подговорили его напасть на шхуны, – пояснил Уин.

– Ффад мзарги! – выругался Викки, затем слегка покраснел, виновато покосился на мисс Тамм и, добыв из внутреннего кармана мундира черепаховый гребешок, принялся нарочито тщательно расчесывать бороду.

– Примерно так, – улыбнулся Малыш Уин. – Сам я, правда, в подобных случаях предпочитаю пользоваться человеческим лексиконом.

– А может, – чуть неуверенно начала Роника, – попросту задействовать «Сына Локи»?

– Как? – скривился вексиль-шкипер. – Он не пройдет в лагуну!

– И не надо. Дальности хоть отбавляй, хватит, чтобы через остров перекидным достать, сечешь?

– Нет! – решительно произнес полукровка. – Если на наши мелкие личные шалости Канцелярия Сырых Дел смотрит, как говорят люди, сквозь пальцы, то за увод «Сына Локи» с позиции... лично я даже думать не хочу, что с нами за это могут сотворить. Да-да, Пит, с *нами*... от такого тебя даже дядюшка-советник не прикроет.

– Так что же, – прервав процесс ухода за «главным достоинством истинного гнома», Викки гневно взглянул на полукровку, – по-твоему, выходит, мы должны смириться с тем, что банда большеногов отправит Гарму в пасть плоды трудов наших?

– Разве я сказал что-либо подобное? – удивился Малыш. – Напротив, я как раз вспомнил о союзниках, которые, надеюсь, смогут отвадить помянутых большеногов от их занятия. При чем сделают они это ничуть не хуже дикарей... и за более дешевую плату.

– Дешевле? Ты сказал «дешевле»? – глаза вексиль-шкипера, как, впрочем, и любого истинного гнома, при этих словах сверкнули не хуже лучших подгорных самоцветов. – Ты сказал: «более дешевую»?

– Ага, причем значительно, – кивнул Уин. – Мне понадобятся всего лишь несколько железок, немного краски, полфунта сахара и, – полукровка махнул рукой в сторону берега, – десяток поросят. Их мы, кстати, сможем съесть... после.

– А время? – напомнила Роника. – Они могут добраться до отмели хоть завтра.

– Не волнуйтесь, мисс, – уверенно сказал Малыш. – Наши новые друзья доберутся до них раньше.

– Хотелось бы надеяться.

Тремя милями южнее, Малыш Уин

– Они ныряют уже больше получаса, – раздраженно заметила мисс Тамм, опуская бинокль, – а ваших так называемых союзников все нет и нет.

– Спокойствие, терпение, – пробормотал полукровка, продолжая вглядываться в зеркальную гладь лагуны, – сейчас они появятся.

– Сейчас?

– Лиулу оставил наш... гм, аванс примерно полчаса назад, – пояснил Малыш. – Получаса воде как раз должно было хватить.

– Хватить на что? – осведомилась наемница минутой позже, сообразив, что заканчивать фразу ее собеседник не собирается.

– На то, чтобы растворить сахар.

– И?!

– И освободить механизм дозатора.

– Послушайте, вы, мистер-говорящий-загадками... – начала мисс Тамм.

– О! – перебил ее гном. – Слышите? Похоже, началось.

– С чего вы взяли? – с подозрением осведомилась Роника.

– Ну как же, – полукровка приподнялся на локте, вслушиваясь в доносящиеся с воды вопли, – слышите? Они орут: «Акула!»

– Они и вчера это орали, – сказала наемница. – Повизжали минут пять, а потом вновь продолжили нырять. В этой лагуне до черта акул...

– Ага, – усмехнулся Уин, – главным образом австралийских песчаных. Хотя на самом деле рыбаки привыкли обзывать песчаной всякую небольшую акулу. Мисс Тамм, а что вы вообще знаете об этих рыбах?

– То, что они – рыбы! – фыркнула наемница. – И на вкус не очень. Китаезы, говорят, варят из них супы, но они вообще любят жрать всяческое дерьмо, подавая его под видом эльфийского торта.

– Негусто.

– Так просветите меня, черт бы вас побрал!

– С удовольствием, – спокойно кивнул полукровка. – Только будьте любезны, поднесите к вашим очаровательным черным глазам бинокль – как и всякий хороший урок, мой будет наглядным. Итак, – продолжил он, дождавшись выполнения своего указания. – Для начала обратите внимание на одинокого пловца в двух сотнях ярдов от берега. Несчастный пытается угнаться за шлюпкой, но сотоварищи вовсе не горят желанием его дожидаться... и правильно делают, между прочим. А плавник, который его настигает, принадлежит как раз песчаной акуле... футов десять в длину... ага!

– Он отбил! – возбужденно выкрикнула Роника.

– Да, но к нему приближаются еще четыре плавника, – хладнокровно заметил Уин. – Так что предлагаю не досматривать финал, а перевести взгляд чуть правее...

– Холера! – Побледневшая наемница опустила бинокль. – Ну и тварь.

– Белая смерть, она же большая белая акула, – наставительно сказал Малыш. – Несет с собой такую же верную и быструю смерть, как гильотина. А в длину порой достигает дюжины ярдов... так что это еще был далеко не самый крупный экземпляр.

– Д-дерьмо...

Со стороны лагуны донеслось частое хлопанье выстрелов.

– Зря жгут патроны, – прокомментировал полукровка. – Эти милые создания поживучее иного оборотня, и для того, чтобы справиться с ними, нужны пушки побольше... – Гном осекся, озабоченно глядя на выросший из воды пенный столб.

– Парни на шхунах пустили в ход динамит, – заметила Роника. – И не без успеха. Гляди!

Последнее относилось, видимо, к огромной акуле, проглотившей динамитную связку, едва та коснулась воды. Три секунды спустя на месте треугольного плавника вырос очередной столб огня и пены.

– Признаюсь, – тревожно выдохнул Уин, – об этом я как-то не подумал.

– Думаете, им удастся совладать с этими тварями?

– В смысле, перебить их? Нет, что вы! На каждую убитую акулу приплывут три новых... а на разорванную взрывом, пожалуй, и все десять. Я, – гном вздохнул еще раз, – беспокоюсь за наши раковины – они такие хрупкие и нежные...

– Д-дерьмо, – вновь повторила наемница, глядя, как со стороны прохода в рифе появляются все новые и новые треугольные плавники. – Ну, греби же... о, черт!

– Еще сотней футов правее, – невозмутимо продолжил Малыш, – с ныряльщиками пытается познакомиться стая мако. Мако, да будет вам известно, вполне достойный родственник большой белой... одна из самых сильных, быстроходных и свирепых акул. Я однажды нашел в брюхе мако почти целую взрослую меч-рыбу, а нападать на меч-рыбу мало кто...

Последние слова полукровки были заглушены отчаянным воплем.

– Шлюпка!

– Ага, – Уин медленно подкручивал колесико настройки. – Парни с островов Гильберта утверждают, что в их водах обитает некая рокеа – акула, которая нападает на лодки так же привычно, как волк на овечью отару. Не знаю, кого именно они так обзывают, но то, что акулы порой атакуют даже небольшие ко... Ого! Видели, как щепки брызнули?

– Вторая... – хрипло прошептала Роника.

– Похоже, это были тигровые, – сказал Малыш. – Сейчас... ну да, тигровые. Ужасно прожорливые твари, не брезгают даже своими собственными сородичами. Чего только у них в брюхе не находили... помню, из одной мы вынули оленье рога, сапог, собачий ошейник с поводком и консервированные бобы в банке.

– Уин... как вам удалось приманить этих порождений преисподней? Какое-нибудь местное колдовство, подаренное тестем-шаманом? Я не знала, что гномы настолько сильны в магии.

– Гномы не очень сильны в магии, – усмехнулся Уин. – То, что вы видите сейчас перед собой – результат действия одного нехитрого механизма... и того самого поросенка, которого мы с вами с изрядным аппетитом умяли вчера за ужином. Девять его братьев пока еще похрюкают... на тот случай, если наши друзья окажутся непонятливыми и сегодняшний урок придется повторить. Впрочем, я в этом сомневаюсь – они уже лишились почти всех своих нырляльщиков.

– Не поняла. При чем тут поросенок...

– Кровь, – лаконично пояснил полукровка. – Акулы в этом смысле дадут сто очков форы любому вампиру, кровь в воде они чувствуют за полмили. И впадают от этого запаха в совершеннейшее бешенство. В обычном-то состоянии они не так уж и опасны, как и другие хищники, нападают, лишь когда голодны. Правда, – задумчиво добавил Малыш, – голодны они почти всегда.

– Д-дерьмо! – в третий раз повторила мисс Тамм.

– Да будет вам сквернословить, – обводя взглядом лагуну, довольно произнес Малыш, – вместо планировавшейся вами массовой бойни мы имеем всего-то два десятка трупов и двух-трех калек. Вдобавок рассказы оставшихся в живых создадут этой лагуне такую мрачную славу, что ни один ловец жемчуга не осмелится сунуться сюда еще лет пять. И все это за столь символическую плату! Положительно, редко когда удастся так минимизировать расходы.

Поднявшаяся на ноги наемница одарила ухмыляющегося гнома неприязненным взглядом.

– А знаете что, Уин, – медленно произнесла она. – Меня от вас и ваших рассуждений блевать тянет.

– Вот как? – озадаченно пробормотал полукровка, глядя вслед удаляющейся мисс Тамм. – Хм. Все-таки вы, люди, удивительно нерациональные существа. Даже лучшие из вас.

Где-то между Непалом, Хинганом и северным Китаем

Темным колдунам иметь замок положено по статусу. Правда, в последнее время этот замок все чаще и чаще имеет вид уютного особняка в лондонском или парижском пригороде. С другой стороны, если уж превратности судьбы вынудили тебя устроить свое обиталище в месте, где оценить архитектурные изыски могут лишь гималайские горные тролли-йети и ничуть не менее дикие гималайские горные гномы, то почему бы и не поддаться ностальгии и не вспомнить, какими были эти замки прежде? И не сотворить Джахор – семь черных башен, осиновыми кольями пронзающих низкое небо над плато...

– Гнейс, ты сам додумался до столь дурацкой метафоры или вычитал ее в одном из своих вульгарных романчиков?

– Вампирам по статусу не положено испытывать страх, – напомнил себе Гнейс. – Страх, гнев, ненависть, любовь и прочие эмоции – это удел *низших*, жалких существ с предыдущей ступени эволюции. Истинный разум холоден и постоянен, и он должен быть выше, выше...

Напоминание помогло плохо. Вернее, оно не помогло вовсе. Вампиру было очень страшно. Он слишком хорошо знал, кто сидит в массивном, с высокой спинкой, похожем на трон кресле перед ним, и слишком хорошо представлял, что сидящий способен сотворить с ним одним лишь мановением пальца... даже без повода, просто так, повинуясь капризу, внезапной смене настроения, – прецеденты подобных перепадов имелись в изобилии.

Страх холодным липким потом сочился сквозь кожу, страх разъедал мозг вампира, как освященная вода могла бы разесть его плоть, но все же Гнейсу удавалось сдерживать его, удавалось не позволить затаившемуся внутри воющему клубку вырваться наружу. Пока – удавалось.

– Прошу прощения, монсеньор?

– Посмотри сам, – кресло бесшумно скользнуло вбок, и скрываемый прежде его высокой спинкой поток света заставил вампира болезненно сощуриться. – Разве к ним подходит именование «колья»? Свечи, оплавленные свечи черного, как сажа адских котлов, воска! Вот о чем думал я, когда творил Джахор!

– Еще раз прошу простить меня, монсеньор. – Вампир нечасто решался возразить сидящему в кресле. К сожалению, постоянное соглашательство тоже таило в себе зерна опасности, ибо тупых и покорных исполнителей своих замыслов Хозяин мог набрать/призвать/сотворить в изобилии, а ранг ближнего и доверенного слуги требовал от своего обладателя большего. – Мне все же кажется, что *оплавившиеся* свечи выглядят несколько по-иному...

– Ну хорошо, пусть это будут *слегка оплавившиеся* свечи! – с легким раздражением произнес сидящий в кресле. – В любом случае, я вызвал тебя не для того, чтобы обсуждать тонкости архитектурных стилей. Подойди ближе!

Занимавший большую часть стола магический прибор был не чем иным, как привычным спутником чародеев, колдунов и прочих представителей волшебного цеха, хрустальным шаром. Правда, шаром, увеличенным до размеров аквариума и сменившим округлость форм на нетрадиционные, но зато куда менее искажающие изображение грани.

Впрочем, посторонний наблюдатель, случись ему в сей миг оказаться в личном кабинете владыки Джахора, вряд ли сумел бы оценить качество выдаваемого «шаром» изображения – ибо изображение это более всего напоминало вышивку гоблина... или, правильнее будет сказать, то, что могло бы получиться, завладей какой-нибудь гобл дюжиной мотков разноцветной пряжи.

Вампир, однако, к числу посторонних наблюдателей не относился.

– Предвидите проблемы с Планом, монсеньор?

– Предвижу! – фыркнул его собеседник. – Как же... нет, я их предсказываю! Я их, орк побери, прогнозирую! Видишь эту красную черту? Видишь, *где* она проходит?!

– Да, – после короткой заминки произнес вампир, – счесть эту близость иначе как опасной было бы...

– Опасной?! Да она попросту перечеркивает весь План! Крест на нем ставит!

Упоминание о ненавистном символе заставило вампира зябко поежиться.

– Вероятно, нам... то есть, я хотел сказать, вам, монсеньор, необходимо принять меры по заблаговременной нейтрализации данного... э-э, негативного воздействия...

– Да уж! Мысль, преисполненная глубины!

– Но...

– Может, у тебя даже имеются идеи, как именно нейтрализовать источник этого самого «э-э, негативного воздействия»?! – язвительно осведомился хозяин кабинета и замка. – Если таковые и впрямь наличествуют, выкладывай, не стесняйся... и не сомневайся, выслушаю с огромным интересом – ведь все мои собственные попытки за последние два века, как тебе преточно известно, особым успехом не увенчались.

– Монсеньор, испытанное средство...

– Нет!

После этого в кабинете воцарилась тягостная тишина, нарушить которую вампир осмелился, лишь доведя воображаемое овечье стадо до трехсот голов.

– Монсеньор, – нерешительно начал он, – возможно... если уж мы, то есть я хотел сказать, вы не в силах в текущий момент разрешить проблему данного... э-э, источника помех радикально... быть может, вам стоит попытаться уменьшить степень его воздействия?

– Как? Послать им письмо с поздравлениями по случаю двухсотпятидесятилетия с начала нашей вражды и в постскрипуме попросить о ма-ахоньком исключении?!

– Я, – вампир на миг запнулся, – монсеньор, я хочу предложить проделать то, что люди именуют отвлекающим маневром.

– Отвлечь их?

– Да, монсеньор. Мы, то есть вы не можете удалить... э-э, эту нить из схемы вовсе, но вот заставить ее сместиться в сторону от ключевой для Плана позиции...

– Я понял. – Последовавший за этими словами кивок был сочтен вампиром весьма хорошим знаком. – У тебя есть конкретные мысли по поводу возможных точек отвлечения?

– Индия, Тихий океан, Степь...

– Индия, говоришь? Да, в этой связке факелов достаточно будет и одной искры. А вот Океан... здесь, допустим, можно взять гномов и...

– И вот их, – шагнув к столу, вампир вытянул руку и указал на толстую, черную с синими прожилками нить.

– Интересно, – задумчиво произнес хозяин кабинета. – Очень интересно. Если и в самом деле удастся... да, это будет узел из узлов. У меня даже родилась одна любопытная мысль. Вот послушай, Гнейс, – предположим, двое моих *кеджаа*...

– Двое, монсеньор? – удивленно переспросил вампир. – Но ведь даже один *кеджаа* требует...

– Двое, двое. Если мы и в самом деле хотим поставить хороший спектакль, не стоит начинать с экономии на декорациях!

Побережье Перу, Крис Ханко

Сказать по правде, я сильно удивился, когда мы все-таки дотащились до Троллио. Во-первых, мистер Спаркс уверял, что яхта станет, как он выражался, «игрушкой волн» еще до экватора... впрочем, этот вечно измазанный машинным маслом и прочими продуктами нефтеперегонки коротышка разделял мое отношение к ублюдочной конструкции, лишь за неимением альтернативы поименованной парусным вооружением «Принцессы Иллики».

Во-вторых, – правда, эти мысли я благоразумно держал при себе, – у меня имелись некоторые сомнения относительно мореходных талантов нашего капитана. То есть я ничуть не сомневался, что моя жена обладает многочисленными и весьма разнообразными способностями, но вот входит ли в их число кораблевождение? Для успешной охоты на низших вампиров все же требуются несколько иные качества.

Часть этих сомнений я попытался высказать сразу после нашего отплытия из Акапулько, когда Бренда объявила о своем намерении «срезать угол» – то есть не тащиться вдоль панамского побережья, а прямым зюйд-остом двинуться сразу в Гуаякиль. Тогда мой голос услышан не был...

С другой стороны, не могу не признать, что эти Галапагосские острова подвернулись нам весьма кстати – если бы Бренда и дальше ломала голову, почему мы все еще плывем, хотя, по ее расчетам, давно уже находимся посреди Кордильер... Тихий океан – большой океан, и плыть по нему можно до-олго!

Впрочем, изрядную долю вины за сей казус по справедливости должны были бы разделить с нашим навигатором незабвенные Крамп и Гнуф, установившие перед штурвалом массивный, в красивой бронзовой окантовке компас. Этот чудо-прибор, как пояснил нам Рысьев

на третий день плавания, неплохо бы смотрелся на настоящем *ниэле*. Однако стальной корпус яхты посредством некоей загадочной магии по имени Деривация превращал компас в истового приверженца пророка Мухаммеда – вместо Полярной звезды стрелка с достойной лучшего применения настойчивостью указывала на Мекку.

В итоге нам пришлось руководствоваться указаниями залятой все тем же Рысьевым магической рыбки – и именно эта наскоро обструганная дощечка на бечевке вывела-таки нас к американскому берегу. Да, я понимаю, на карте Южная Америка выглядит большим объектом и кажется, что промахнуться мимо нее сложно, но поверьте, у нас были неплохие шансы *суметь*!

Как бы то ни было, сейчас я сидел за столиком на веранде лучшего троллийского ресторана и...

– Что за мрачные думы гнетут вас, мой друг?

Вампир появился, как обычно, словно из ниоткуда. Миг назад его и в помине не было поблизости – и вот он уже отодвигает стул... а мог бы, наверное, материализоваться прямо на нем.

– Для забытого Господом захолюстья здесь на удивление неплохое меню, – заметил Рысьев, убедившись, что ответа на свой предыдущий вопрос ему не дожидаться. – Видимо, звание лучшего в городе ресторана все же к чему-то обязывает.

– Кхм-гм...

– А где миссис Ханко? – дождавшись, пока цепочка официантов закончит уставлять наш столик разнокалиберными тарелками, приборами и прочей утварью, осведомился Николай. – Я полагал, что она также пожелает отобедать с нами.

– Миссис Ханко, – вздохнул я, – отказалась от посещения этого заведения... под предлогом отсутствия у нее подходящего для подобного визита гардероба.

– Даже так? – удивленно вскинул бровь русский. – Я, пожалуй, соглашусь, что ее любимый мундир способен вызвать... скажем так, некое оживление публики, числящей себя почтенной.

– Весьма нездоровое оживление, – хмыкнул я. – Вспомните, что было в Акапулько.

– Помню, – усмехнулся граф. – Да, собравшиеся на балу у губернатора гости были шокированы преизрядно – но ведь именно такого эффекта она и добивалась?

– Угу. Только в этом городе нам надо пробыть хотя бы до завтрашнего полудня – желательно не вступая при этом в перестрелку с береговой батареей.

– А что, у нее и в самом деле нет ничего... э-э, менее эпатажного?

– Николай, – я постарался, чтобы мой голос звучал как можно проникновеннее, – вы никогда не пробовали... ну, скажем, надеть редингот на пантеру?

– Я пробовал превеликое множество других, порой куда более дурацких вещей, – безмятежно отозвался русский. – И, к слову, Крис, вполне могу понять чувства вашей супруги по отношению к тому, во что пытается облачить женщин нынешнее общество. Как же это было... – Рысьев задумчиво уставился на вилку, – в последнем романе этого француза, Эмиля Сажа... или Зола: «Сначала брызгами падали блестящие атласные ткани и нежные шелка: атлас а-ля рэн, атлас ренессанс с их перламутровыми переливами ключевой воды; легкие кристально прозрачные шелка «Зеленый Нил», «Индийское небо», «Майская роза», «Голубой Дунай». За ними следовали более плотные ткани: атлас мервейе, шелк дюшес – они были более теплых тонов и спускались вниз нарастающими волнами. Внизу же, точно в широком бассейне, дремали тяжелые узорчатые ткани, дама́, парча, вышитые и затканые жемчугом шелка; они покоились на дне, окруженные бархатом – черным, белым, цветным, тисненным на шелку или атласе»⁶.

⁶ Видимо, в этом Мире роман Э. Золя «Дамское счастье» появился на несколько лет раньше, чем у нас.

Ну и память! – мысленно восхитился я. Профессиональная, наверное.

– Увы, мой друг, – продолжил русский, – рамки деятельности женщины в современном буржуазном обществе крайне ограничены: светские развлечения, искусство... она превращается в дорогую игрушку, богато украшенную вывеску успехов и положения своего мужа. От портных требуется лишь сделать платье как можно роскошнее и изысканнее, а не думать об удобстве той несчастной, которой потом придется таскать на себе полвитрины галантерейной лавки, – ведь платит, как правило, не она. Нам, сильной половине человечества, приходится куда проще, согласитесь?

– По сравнению с дамами – быть может. Но... – Я тоскливо уставился на свою правую манжету, темно-красная кайма на которой отнюдь не была изначальной деталью отделки. Хороший был соус, острый... – Если бы вы, граф, знали, как я скучаю по своему привычному одеянию. Пусть даже оно и стоило куда меньше этого сизого кошмара от Ворта!⁷

– Не знал, что поставщик ее величества императрицы Евгении работает еще и на магазин готового платья Джеффри Уильстока, – нарочито невозмутимо сказал Рысьев. – Впрочем, костюм неплох.

– Как же, – скривился я. – Вот при взгляде на ваш фрак, Николай, сразу видно настоящего аристократа, достойного наследника Брумеля... а лично я без оружейного пояса чувствую себя почти голым.

– Между прочим, Джордж «Красавчик» Брумель был всего лишь сыном конюшего, – вампир поднес к губам бокал с чем-то подозрительно алым, – что, правда, не мешало аристократам всего Лондона, затаив дыхание, следить за каждым шагом первого из денди.

– Неужели? – удивился я, озадаченно глядя на свой бокал, наполненный жидкостью аналогичного артериального оттенка. Аромат от него исходил вполне винный... да и вкус оказался тоже на уровне. – Я-то полагал, что именно происхождение заставляло сильных мира сего сквозь пальцы смотреть на его выходки. Все-таки старая чопорная Англия, страна традиций...

– И, – улыбнулся русский, – среди прочих, у господ с туманного Альбиона есть замечательная традиция – нарушать традиции. Кстати... хорошее вино, не находите?

⁷ В 1865 г. в Париже англичанин Чарльз Ворт основал модную фирму «От кутюр» (уникальное швейное производство на высоком уровне), где модели создавались не на заказчицу, а на манекенщицу.

Глава 2

Гавань Троллио, борт яхты

«Принцесса Иллика», Бренда Ханко

Просто чертовски жаль, что мы так лихо промахнулись мимо Эквадора. Ведь именно там обретался ныне брат Монтеро – маленький тщедушный монашек-францисканец, частенько сберегавший меня от преждевременного ревматизма и отравления архивной пылью. Все хранилища документов Мехико он знал лучше, чем я – подкладку своего плаща, и наверняка мог бы рассказать немало интересного о том, что занимало мои мысли сейчас.

Инки. Точнее, их золото.

Крис, узнай он, какими книжками – помимо учебников по навигации и кораблевождению – я гробила свое зрение во Фриско, хохотал бы надо мной не меньше получаса. Все-таки он изрядный циник – человек, которого я избрала в свои спутники жизни, до сих пор не очень-то понимая, зачем?

Инки... вторая великая империя из существовавших в Новом Свете до прихода испанских оборванцев с именем Господа на устах и ненасытной жаждой золота в сердце. Золото первой империи – ацтекской – нам с Крисом уже довелось поддержать в руках... и не просто поддержать. Так почему бы не попробовать повторить тот же трюк с инками? Сокровищ эти парни должны были, по моим расчетам, припрятать даже больше, чем ацтеки, – и уж явно больше того, что нам с Ханко удалось уволочь! Згымский кыш, если бы у нас был шанс вернуться в ту пещеру еще раз-другой... в смысле, вернуться и вновь найти там вампирские сокровища, а не выметенный до последней пылинки каменный пол!

Инки.

Завязка у этой истории была чертовски романтичной – три с хвостиком сотни лет назад тогдашний император инков Уайна Капак влюбился в принцессу покоренной им страны. Страна эта, к слову сказать, располагалась там, где ныне находится Республика Святого Сердца Иисуса. Возможно, именно с тех пор все эквадорские правители, не исключая и нынешнего – его превосходительства генерала Игнасио де Вейнтимилья, – традиционно недолюбливают своих перуанских соседей.

Итак, император влюбился. Полюбил он и сына Атауальпу, которого подарила ему принцесса, причем куда больше собственного законного наследника и уж точно больше пяти сотен прочих своих отпрысков мужского пола. И, недолго – а может, и долго – думая, поделил империю на две части. А потом умер – как раз в тот год, когда в прибрежный инкский городок Тумбес ненадолго заглянул корабль испанца, которого звали Франсиско Писарро.

Похоронив папашу, братцы-императоры, естественно, тут же учинили между собой гражданскую войну, в которой любимый сынок одержал решительную победу – всего за две недели до второго появления Писарро в Перу. А потом и сам Атауальпа угодил в плен к испанцам.

Тут и началось самое интересное – для меня.

Условия содержания у Атауальпы были, как я поняла, по меркам тогдашних испанских тюрем – роскошные. Вдобавок испанцы по его просьбе придушили законного наследника трона – инку Уаскара. Однако Атауальпа все эти прелести традиционного испанского гостеприимства не ценил и очень хотел поскорее с ним расстаться. И однажды, дабы ускорить это расставание, предложил Писарро сделку: он, Атауальпа, наполняет свою камеру сокровищами – а взамен дон Франсиско его из этой камеры выпускает.

Насчет размеров выкупа мнения в прочитанных мной книгах разнились. Одни авторы утверждали, что комната была одна, другие – две, а кто-то вообще писал, что в качестве единицы меры Писарро выбрал четыре большие комнаты в доме, где содержался пленник: в одну

должно было поместиться золото, в две – серебро, последнюю, поменьше, должны были заполнить бриллиантами.

Выкуп инки заплатили. Императора это не спасло. Испанцы обвинили его в заговоре и в «преступлениях против испанского государства» и после короткого суда 29 августа 1533 года удушили гарротой – добряки, не правда ли? А уж слово как держали...

Только вот сокровища им достались далеко не все. Это знал дон Диего де Альмагро, об этом писал Гарсиласо де ла Вега⁸.

Конечно, наивно было бы надеяться, что в Троллию, едва ступив на перуанский берег, я сразу же уткнусь носом в какие-нибудь следы той древней истории. Вот в Лиме... а еще лучше в Куско...

Да, я понимаю, прежде чем вонзить в податливый грунт заступ и кирку, нужно раскопать десяток-другой стоунов древних пергаментов. Но почему бы девушке... то есть молодой даме иногда и не пометчать?

На «Принцессу Иллику» я вернулась уже затемно. Злая, голодная, трезвая, словно пустой стакан, с двумя свежими синяками в районе поясницы, ссадиной на щеке и очень горячим желанием кого-нибудь... ну, хотя бы банально убить.

– Меня ждали?

Расположившееся возле мортиры изысканное яхтное общество – граф Рысьев, Крис и пузатая бутыл в оплетке – приветствовало меня дружным кивком. Еще полдюжины горлышек, пока не удостоенных участия в джентльменской беседе, изумрудно поблескивали из ящика, а еще одна бутыл, припомнила я, качалась на волнах около трапа. Интересно, насколько пуст был ящик изначально?

– Не буль-буль-буль только. – Судя по тому, как высоко моему супругу пришлось задирать доньшко плетенки, содержимого в бутылки оставалось не так чтобы очень. – Тебя... и буль-буль еще одного типа.

– Что за тип?

– Который наверняка... Эй! – Последнее восклицание относилось к бутылке, неожиданно для обоих джентльменов оказавшейся у меня в руке, а миг спустя – за бортом. – Так нельзя... – упавшим голосом закончил мой благоверный.

– Так что за тип?

– Некий д-д-д-благородный идалго. – До сих пор не понимаю, каким образом алкоголь воздействует на организм высших вампиров, но в ходе плавания напиваться Рысьеву удавалось. Причем с завидной регулярностью – видимо, цирроза печени упомянутые вампиры боятся еще меньше чеснока. – Выглядевший как п-п-последн... то есть не очень благородный идалго, ик, п-пожелал п-поведать нам историю о сокровищах.

– О каких еще... – Я вовремя прикусила язык, вспомнив, что благовоспитанной замужней даме все же стоит хотя бы изредка ограничивать свой лексикон – даже если очень хочется.

– О каких сокровищах?

– Неик... неик... – В поисках поддержки Крис обернулся к Николаю, но вампир был в тот момент увлечен исключительно разглядыванием основания грот-мачты. – Не... неинкских, вот! – торжествуя закончил Ханко.

– А какого, если не секрет, орка, – медленно проговорила я, – ты решил, что именно инкские сокровища могут представлять для меня какой-то особенный интерес?

– ...Это было последнее письмо великого Инки, – судя по непривычно заунывному тону, Рысьев кого-то или что-то цитировал, – последнее – и самое необычное. Тринадцать узелков были привязаны не к веревке, а слитку. Слитку золота. Что это было за кипу? Кому оно пред-

⁸ Диего де Альмагро – партнер и ближайший сподвижник Франсиско Писарро. Гарсиласо де ла Вега (1539–1617) – перуанский историк Средневековья, автор знаменитой книги «Всеобщая история Перу».

назначалось? Никто не скажет этого. Известно одно – сокровища инков, те, которыми еще не успели завладеть конкистадоры, исчезли. Из всех храмов империи. Почти в тот же день.

– Ну, эту песню я уже знаю, – разочарованно произнесла я. – Как насчет чего-нибудь посвежее, граф?

– Их было десять тысяч. Они брели, клонясь под тяжестью своего груза. Золотые чаши и блюда, покрытые хитроумной резьбой, украшенные драгоценными камнями кубки, храмовую утварь – вот что несли на себе эти десять тысяч полуголых людей. Они несли это... – В глазах вампира начали медленно разгораться алые угольки. – Несли...

– Куда?!

– А? Что? – Рысьев моргнул, потряс головой и озадаченно уставился на меня. – Вы что-то говорили?

– Нет, – прошипела я. – Это вы, граф, что-то говорили!

– В самом деле? – удивленно переспросил русский. – Не помню.

– Граф!

– Десять тысяч носильщиков, – задумчиво пробормотал Ханко. – Если принять, что каждый поднимал по сто фунтов... проклятье, лучше об этом не думать... от таких цифр голова болеть начинает. А то и похуже. Ик.

Это было последней каплей. Предпоследней же – тот факт, что идти мне надо было всего шесть шагов, три туда и, соответственно, три обратно. Ведро же было хоть и тяжелое, но зато весьма вместительное.

– Б! Бренда...

– Ты что-то хотел сказать, о муж мой? – пропела я, все еще продолжая удерживать ведро наготове. Воды в нем уже не было, но ведь и в качестве декоративного элемента на чьей-нибудь голове...

– Отставить макать капитана! – неожиданно выкрикнул вампир.

– Вообще-то, капитан на этой посудине – я!

– Не то чтобы мне было особенно жалко костюма... – Стоявший посреди лужи Крис странно замедленными движениями охлопывал... ну да, карманы. – Но я не уверен, как пережил это купание наш новый хронометр.

– Ты купил новый хронометр? – удивилась я.

Именно в неисправности имевшихся на борту времяизмерительных инструментов и была – по крайней мере, по моему глубокому убеждению, – причина некоторых неувязок с определением координат яхты. Правда, до сегодняшнего дня Крис упорно намекал, что дело вовсе не в...

– Угу. Купил.

– Ты не сказал.

– Прости, – мрачно отозвался Ханко, извлекая вышеупомянутый прибор из жилетного кармана. – Не успел.

– Дело в том, – пояснила я, – что я тоже купила хронометр.

И до сего момента была весьма горда этой покупкой. Новенький, с массивным стальным корпусом, четким, уверенным тик-так, хронометр был похож на первоклассное оружие – от него так и веяло уверенной надежностью. Кроме того, в ходе ожесточенного двадцатиминутного торга с лавочником мне удалось сбить цену всего до... до, запоздало начала осознавать я, подозрительно дешевой.

– Забавно. – Вампир, хоть и не испытывавший на себе протрезвляющих свойств забортной воды, тем не менее вполне уверенно удерживался в вертикальном положении. – Ибо мне также пришла в голову мысль произвести подобную покупку.

– Сверим часы?

Как я уже успела узнать, мой муж говорит подобным тоном лишь в двух случаях: когда он подозревает какую-нибудь пакость или сам готовит ее.

– На моем – без четверти девять, – сказала я.

– Восемь часов... – Крис затянул паузу секунд на шесть, не меньше. – И пятьдесят три минуты.

– А у меня... – Назвать выражение лица Рысьева озадаченным было бы, пожалуй, преуменьшением. – Право, даже не уверен, стоит ли добавлять этот результат к общему счету.

– Ну а все-таки?

– Двадцать три минуты десятого.

– Да уж...

– Ничего удивительного, – с горечью произнес Ханко. – Подлинный швейцарский морской хронометр от «Улисс Нардин» – это солидная вещь, которую не стыдно держать в руках. А в лавке Богом забытого портового городишки можно отыскать лишь дешевую подделку пиренейских гномов.

Этим «Улисс Нардином», от покупки которого я – признаю, по неопытности – отказалась во Фриско, Ханко будет шпынять меня при каждом удобном случае еще лет пять. Часы с астрономической точностью – вот только цена на них тоже была совершенно заоблачная.

– Граф, – повернулась я к Рысьеву, – а не могли бы вы призвать... ну, какое-нибудь потустороннее существо, которое сообщило бы нам действительно точное время?

– Сожалею, – вздохнул вампир, – но большинство постоянных обитателей Нижних Миров не способны оказать нам подобную услугу. Видите ли, Бренда, в большинстве из них время ведет себя не совсем... вернее, оно является там не совсем тем, что привыкли вкладывать в это понятие мы.

– Тем более, – ехидно заметил Крис, – если уж озадачиваться вызовом исчадия преисподней, то куда логичнее спросить у него сразу координаты.

– А ты думаешь, что в проекциях Меркатора демоны разбираются лучше, чем в хронометраже?

– Гномы...

– Тише! – вполголоса скомандовал русский. – Кажется, к нам пожаловали гости.

Мокрый шезлонг около мортиры, Крис Ханко

– Поправка, – сказал я, вслушиваясь в доносившийся со стороны трапа плеск. – Один гость. Тот, кого мы ждали.

– Как ты... а, ну да, ты же видишь в темноте.

– Вижу, – не стал отрицать я. – Но в данном случае руководствовался иным органом чувств.

– Полагаю, обонянием, – скривился вампир. – Мой Бог... Крис, ведь днем он так не... благоухал?

– Видимо, купание в здешней воде способно пробудить к жизни некоторые запахи, – предположил я. – Из числа пребывавших доселе в законсервированном состоянии.

– Буэнос ночес, сеньоры, – донеслось до нас.

– Буэнос-буэнос, – отозвалась старательно зажимавшая нос Бренда. – Только для начала станьте с подветренной стороны. Нет, не там, еще дальше.

– Понимаю, – печально вздохнул наш ночной гость. – Мой нынешний облик способен лишь осквернить взгляд столь прекрасной сеньориты...

– Сеньоры. Сеньоры Ханко.

– О, простите, конечно же, сеньоры. Поверьте, когда-то я, как и мое одеяние, знал лучшие времена...

И времена эти, подумал я, были в веке эдак шестнадцатом. Черт, да любой нищий Фриско по сравнению с этим парнем выглядел записным щеголем!

– ...Но увы – козни недоброжелателей, происки завистников...

– Карл, – мягко сказал Рысьев, – настоятельно рекомендую опустить эту часть вашей истории и перейти непосредственно к 12 сентября 1820 года, когда в порту Кальяо бросила якорь шхуна «Мери Диар», капитаном на которой был некий шотландец Скотт Томпсон.

– Не некий, сеньор, вовсе не некий! – хихикнул оборванец. – И звали его вовсе не Скотт, а Диего.

– Может, и не Томпсон? – скептически прищурился русский.

– Может, – неожиданно охотно согласился наш гость. – Потому как Томпсон – это фамилия матери-англичанки, отца же капитана звали Луис Пефес. Или, сеньор, вы всерьез думаете, что вице-король Перу позволил бы доверить сокровища первому встречному морскому бродяге? О нет, капитана Диего Томпсона в Кальяо знали, и знали хорошо – как примерного и добропорядочного моряка.

– А можно, – задумчиво произнесла миссис Ханко, – поподробнее о сокровищах?

– Они кучей валялись на пристани. – Бродяга хихикнул вновь. – Золото... серебро... камни. Испанцы спасались от армии Хосе Сан-Мартина, чьи гвардейцы уже подходили к Лиме. Им позарез нужен был корабль, способный увезти сокровища и их владельцев подальше от мести восставших – и «Мери Диар» подвернулась очень кстати. Очень, очень, очень... – На последнем слове голос оборванца сорвался на визг, а затем он закашлялся. – Прошу простить меня, сеньоры, – прохрипел он, картинно хватаясь за грудь. – Но не найдется ли у вас глоток – только смочить горло, а затем старый Карл Пломмер продолжит свой рассказ?

– Вот примерно до этого места мы и выслушали его днем, – развернувшись к жене, сказал я.

– Ну и зачем вам, двоим, – на несколько секунд Бренда замолчала, очевидно, подыскивая подходящий эпитет, – Пьеро, стукнуло в головы притащить этого несвежего зомби на мою яхту?

– Главным образом, – начал Рысьев, – нам хотелось определить, насколько сей благородный идальго жаждет поведать нам свою историю.

– По-моему, он жаждет нечто иное, – фыркнула моя прекрасная половина.

– Вопрос стоит так – жаждешь ли ты выслушать окончание его истории?

Вместо ответа Бренда, наклонившись, подцепила за горлышко одну из бутылок.

– Держи!

– О, тысяча благодарностей, прекрасная сеньора... – начал Карл.

– Можешь оставить их при себе. Рассказывай.

– К утру следующего дня большая часть драгоценностей уже находилась в трюмах корабля. А на его борту – отряд испанских солдат для их охраны. Все было готово к отплытию. Но, как видно, – бродяга злорадно хихикнул, – губернатор все же решил подстраховаться и не рискнул отпустить «Мери Диар» без дозволения, хи-хи, вице-короля.

В этот момент наш гость наконец совладал с пробкой бутылки.

– Вице-король же, – не дождавшись окончания буль-буль-буль паузы в речи бродяги, произнес Рысьев, – ознакомившись с проблемой, категорически запретил выход шхуны. Он решил подождать, пока в гавани появится какой-нибудь испанский военный корабль, который мог бы обеспечить гарантии благополучной доставки столь ценного груза.

– А разве солдаты на борту казались ему недостаточной гарантией? – спросила Бренда.

– Видимо, нет, – кивнул вампир. – Эй, любезный, вы завершили процедуру смачивания гортани? Если да, то будьте любезны продолжить!

– Разумеется, сеньор. Итак, сокровище лежало в трюмах, шхуна стояла у причала, и вид этого сокровища разьедал душу капитана сильнее любой кислоты.

– Неужели ему пообещали так мало? – ехидно осведомилась Бренда.

– О нет, сеньора, ему пообещали много. Для капитана маленького каботажника – очень много. После этого фрахта капитан Томпсон мог бы уйти на покой... или прикупить небольшой флот и основать собственную компанию малость побольше той, что пустил на ветер его папаша. Но когда осознаешь, что твоя награда – не более чем пыль по сравнению с теми сокровищами, которые лежат на твоём корабле, отделенные от тебя всего лишь несколькими дюймами досок... Золото обладает собственной магией, сеньора, и мало кто может устоять против нее. Думаю, доведись любому из нас увидеть подобные сокровища, он понял бы дона Диего.

– Мне – довелось! – холодно отрезала Бренда. – И, представьте себе, я сумела при этом не потерять головы.

Я с превеликим трудом удержался от недоверчивого хмыканья. «Сумела не потерять головы»? А орочьи пляски по всей пещере, попытки искупаться в самой большой из золотых куч, вопли: «Мы богаты, Крис, черт тебя дери, мы богаты!», от которых каменный свод едва не рухнул нам на голову, – это мне, надо полагать, приснилось? Равно как и то, сколько фунтов моя будущая жена попыталась навьючить на себя первоначально, – и то, сколько шагов она сумела пройти, прежде чем наполненный золотом мешок едва не размазал ее по камням.

– Прошу прощения, сеньора, – взмахнув бутылкой, Пломмер попытался отвесить нечто вроде поклона, едва не свалившись при этом за борт, но в последний миг сумев ухватиться свободной рукой за леер. – Разумеется, капитан Томпсон не был ангелом, подобным вам. Он и команда «Мери Диар» были всего лишь людьми... равно как и испанская стража на борту шхуны. Да, сеньора, эти несчастные испанцы были всего лишь людьми – а когда человеку проведут по горлу хорошо наточенным лезвием, он от этого обычно умирает.

– Только не в мачту! – быстро сказал я.

– Почему? – с ноткой разочарования осведомилась Бренда, все еще удерживая руку с тускло сверкавшей меж пальцев полоской лезвия, чуть отставленной для броска.

– Она стальная.

– Продолжайте, Карл. – Русский уже успел наполнить свой бокал чем-то светлым. Я даже позавидовал его магическим талантам и лишь потом вспомнил про ведро со льдом и «Токаем», которое мы опустили в ствол мортиры в начале вечера, после чего увлеклись дегустиацией творений местных виноделов.

– И надо же было такому приключиться, – бродяга снова хихикнул, – что как раз в тот момент, когда «Мери Диар» пыталась выскользнуть из гавани, у входа в нее появился фрегат. Испанский фрегат, которого так ждал вице-король.

– Все утопи?

– Нет, сеньора. Ведь на фрегате не могли знать, отчего возникла суматоха в гавани, и потому «Мери Диар» сумела ускользнуть. Понятное дело, как только фрегат бросил якорь, на борт к нему тут же поднялся гонец с приказом догнать и вернуть шхуну – да только «Мери Диар» оказалась проворной девчонкой. Она с легкостью ушла от испанца, да, ушла... Простите, сеньоры, а не найдется ли у вас еще одной бутылочки этого воистину божественного винца? Первая кончилась как-то чересчур быстро... о, тысяча благодарностей, сеньора Хинко...

– Ханко. И учти, это не просто бутылка.

– О да, конечно, это не просто бутылка, а бутылка самого замечательного...

– ...пойла, которое только можно сыскать по эту сторону экватора! Но для тебя это еще и клепсида. Знаешь, что это такое?

– Как я уже поведал, сеньора, – Пломмер попытался гордо вздернуть подбородок, но вложил в это движение слишком много экспрессии и в результате едва не шлепнулся на палубу, – мне доводилось знать и лучшие времена. Клепсида, сиречь водяные часы...

– ...делают кап-кап-кап. А эта бутылка делает буль-буль-буль в твою бездонную глотку. И если ты не закончишь свой рассказ до того, как она опустеет, то в полет за борт вы отправитесь вдвоем!

– Слушаю и повинуюсь, сеньора Ханко. Так вот, еще в порту капитан Томпсон не один час провел, ломая голову, куда же направить шхуну в том случае, если их план удастся. Понятное дело, что так вот, запросто, с набитым сокровищами трюмом, они не могли войти ни в один порт. Не-ет, сокровища требовалось где-то спрятать, и как можно скорее. И тогда Диего вспомнил про остров Кокос.

– Что-то не припоминаю я такого острова в моей лоции, – с подозрением заметила Бренда.

– Неудивительно, – сказал бродяга. – Более никчемный клочок суши трудно сыскать в этой части океана. Разве что Мальпело, ибо он окружен рифами и не имеет ни одной маломальски приличной бухточки. А на Кокосе таких бухт целых две – но на этом список его достоинств и исчерпывается. Скалистый пятачок посреди моря, сплошь заросший непроходимыми джунглями, которые вдобавок кишат ядовитыми гадами почище здешней сельвы. В те времена, сеньоры, Кокос слыл чертовски неприятным местом. Как вы понимаете, капитана Томпсона и команду такая слава вполне устраивала – лишние глаза им были вовсе ни к чему.

– И они направились туда, – задумчиво произнесла Бренда.

– Истинно так, сеньора, – кивнул Плюммер. – «Мери Диар» бросила якорь в бухте Чатам, и кэп Диего с командой занялись самым, наверное, приятным на свете делом – перетаскиванием сокровищ, которые они уже почитали своими навеки. А как только они закончили свою работу... Как думаете, сеньоры, что приключилось в этот час?

– Устроили драку и перебили друг друга? – предположила Бренда.

– Не-ет. Зачем? Доставшегося им богатства хватило бы на флот «Мери Диар»...

– В этот час, – опуская на палубу опустевший бокал, произнес Рысьев, – у входа в бухту Чатам появился испанский фрегат. Тот самый, от которого «Мери Диар» так лихо ушла у Кальяо. Капитан его, дон Диего Раскона, был человеком весьма незаурядным, и ему не потребовалось долгих и мучительных раздумий, чтобы понять, куда направится вор.

– Ага, – злорадно усмехнулась моя жена. – Мышка попалась кошке в пасть.

– Отличное сравнение, сеньора Ханко! – одобрил Карл. – Да, бедолагам с «Мери Диар» некуда было деваться – драться с военным фрегатом они не могли, спрятаться на острове тоже было негде, он слишком мал. Они сдались – и капитан Раскона тут же вздернул их всех... кроме одного.

– Своего тезки?

– Именно. Теперь Томпсон оставался единственным, кто знал, где находятся похищенные сокровища. Но он также знал, что жив лишь до тех пор, пока удерживает язык за зубами, – и потому молчал. Ни на фрегате, ни позже, в пыточных застенках тюрьмы Сан-Рохас, испанцы не добились от него ни полсловечка.

– И долго бравый капитан примерял мученический венец? – спросил я.

– Полтора месяца, сеньор. Земля горела у испанцев под ногами по всей Америке, и вот в один прекрасный для капитана Томпсона день восставшие захватили тюрьму, где он томился. Так Томпсон оказался на свободе. Теперь он был богаче иных королей, да вот беда – все его золото было далеко от него, а в карманах капитана можно было сыскать разве что дыры. Он...

– Ну вот что, милейший, – неожиданно перебил нашего ночного гостя Рысьев. – Думаю, окончание вашей истории мы дослушаем как-нибудь в другой раз... если у нас вообще возникнет такое желание. Пока же просто скажите, чья карта у вас – Томпсона, Киттинга или болвана Фитцджеральда?

– Ничья! – гордо отвечивал бродяга.

– То есть?

– Моя карта, сеньор... Рысьев, я правильно запомнил? Так вот, сеньор Рысьев, моя карта – здесь! – согнув указательный палец, Пломмер несколько раз стукнул им по собственному лбу – звук получился на удивление гулкий. – Потому как даже сейчас, четыре десятка лет спустя, я смогу провести вас тем же путем, которым кралась Джо Киттинг и Малькольм Боуг.

– И кем же вы были на «Гаттерасе», сеньор Пломмер? – с интересом спросил вампир.

– Юнгой, сеньор. И, клянусь Пресвятой Девой, я видел капитана Киттинга и его помощника выходящими из пещеры с набитыми бриллиантами карманами так же ясно, как вижу сейчас вас!

– Понятно, – кивнул Рысьев и, повернувшись к нам, спросил: – Итак, ваше мнение?

– Все это, – медленно, четко выделяя каждое слово, произнесла Бренда, – большая куча отборнейшего дерьма!

Австралазия, примерно 22 мили

к югу от Островов Сокровищ,

борт кеча «Камеамеа IV», Малыш Уин

– Ну что изрекла эта надутая жаба?

– Милорд Астрогатор, – сказал Малыш, передавая плетеный ящик со знакомцем полу-сонному матросу-канаку, – соизволил сообщить, что мы находимся в десяти милях от точки randevu.

– Опаздываем! – недовольно буркнул Викки.

– До полуночи еще почти час, – мягко возразил Малыш, с удивлением глядя на наемницу. Мисс Тамм стояла у борта, судорожно вцепившись в планшир, вглядываясь в едва различимую кромку между океаном и небосклоном, и дрожала.

– Послушайте, мисс, – неуверенно начал полукровка. – При всем уважении к вашим принципам... я имею в виду, ваше отношение к одежде... может, вам все-таки стоит накинуть хотя бы рубашку?

Роника резко обернулась, и на этот раз едва не вздрогнул сам Уин – устремившийся на него взгляд трудно было охарактеризовать иначе, нежели безумный.

– Холера, неужели вы не ощущаете *этого*? – В издаваемых мисс Тамм звуках явно доминировал стук зубов. – Совсем ничего? Дьявол, я знаю, что вы, гномы, безмагичнее болотной жижи, но даже вы не можете быть *настолько* толстокожи!

Гномы озадаченно переглянулись.

– Роника, – медленно произнес Уин, – я готов поклясться бородами трех колен моего рода, что не чувствую абсолютно ничего... кроме разве что пассата.

– Холера...

– А что, по твоему мнению, мы должны чувствовать? – нервно спросил вексиль-шкипер.

– Страх. Ужас. Отчаяние. Там, – наемница мотнула головой в сторону бушприта, – происходит что-то ужасное.

– Что, именно сейчас? – недоверчиво хмыкнул Викки. – Роника, при всем моем к тебе уважении, если ты надеешься, что я поверю в...

Он осекся, глядя на ровное белое пламя, вспыхнувшее на горизонте прямо по курсу кеча. Мгновением позже пламя погасло, а еще полвздоха спустя в том же месте полыхнуло еще более яркое – почти на полнеба – синее зарево, плавно перетекая в фиолетовое, потемнело и медленно растворилось в черноте тропической ночи.

Малыш Уин был поражен ничуть не меньше вексиль-шкипера. Но все же сохранившихся у него остатков хладнокровия хватило на то, чтобы выдернуть из кармана хронометр.

Секундная стрелка успела оттикать почти полный круг, когда замершие на палубе кеча услышали звук – низкий, протяжный, пробирающий, казалось, до самых костей рокот. Он

длился секунд пять – а затем наступила тишина, нарушаемая лишь тихим шипением рассекаемых кечем волн.

– Что... что это было?

– Скорость звука в воздухе, – словно не расслышав дрожащего голоса вексиль-шкипера, задумчиво произнес Малыш, – тысяча сто футов в секунду. В морской миле, равной, как известно, одной минуте дуги земного меридиана, этих футов укладывается чуть больше шести тысяч. Таким образом, путем нескольких несложных вычислений получаем дистанцию в десять миль, отделяющую нас от источника этих светозвуковых эффектов.

– Но что это было? – повторил Викки.

– Ты хочешь знать, что это было, вексиль-шкипер? – Какой-то частью своего сознания Малыш не на шутку удивился собственному устало-равнодушному тону. – Я думаю... нет, я уверен, что могу ответить на твой вопрос. Бой. Жестокий и скоротечный, как удар кинжала.

– Но... кто? С кем?

– А вот об этом, – сказал полукровка, – я не имею ни малейшего представления. Разве что ты нам поможешь.

– Я?

– Ну да, – кивнул Малыш, – ведь из нас двоих, Викки, командир субмарины – ты, а не я.

– Он имеет в виду, – голос наемницы показался Уину еще более безжизненным, чем его собственный, – что тебе лучше знать, было ли на борту «Сына Гимли» оружие, чье действие выглядит... выглядит похожим на то, что мы сейчас видели.

– На моей подлодке ничего такого нет! – Вексиль-шкипер явно обрадовался возможности уверенно сказать хоть что-нибудь. – Но, – чуть более растерянно продолжил он, – «Сын Гимли» шел из метрополии. Быть может, на нем установили нечто новое...

– Возможно, – вздохнул Уин. – Это мы узнаем, когда свяжемся с дежурным клерком тревожного стола.

– Ты думаешь... – начал было Викки, затем осекся и озадаченно уставился на свою подозрительную трубу. Точнее, на то, что осталось от нее после того, как пальцы гнома смяли металлический цилиндр на манер бумажного свитка.

– Я думаю, – негромко произнес Малыш, – что от экипажа «Сына Гимли» мы этого узнать не сможем.

Малыш оказался прав. Когда первые лучи солнца, скользнув по парусам, запутались в бесчисленных зеркальцах дальнесвязи, глаза всех находившихся на борту кеча – за исключением разве что Милорда Астрогатора – больше подошли бы вампирам. Но четыре часа пристального вглядывания в подсвеченные луной и планктоном волны не принесли ровным счетом никакого результата – Великий океан надежно скрыл следы ночного боя.

Пятью минутами позже заспанный лайт-советник Канцелярии Сырых Дел, зевая, дослушал третью – и последнюю – версию вчерашних событий в изложении мисс Тамм и отрицательно мотнул бородкой.

– Нет! На «Сыне Гимли» н' было ничего, с'посб'ного учинить т'кое. Р'зве что, – лайт-советник задумчиво подергал бородку, – р'кеты Ффехта... хотя нет. Т'чно. Совершенно т'чно.

Стоявший рядом Викки недобро прищурился и аккуратнo пнул носком сапога бочонок, служивший подставкой для аппарата. Последний, чуть подпрыгнув, жалобно зазвенел, зато изображение лайт-советника перестало подергиваться, а из речи его исчез загадочный акцент.

– Понятно, – вздохнул Малыш. – Простите, что пришлось побеспокоить вас в столь ранний час, советник...

– Это у вас он ранний, – зевнул гном. – А у нас он как бы совсем наоборот. Просто мы вчера прозаседали почти до утра... здешнего утра... и теперь вот еще одно совещание устраивать, – мрачно закончил он.

– Мы...

– Да вы-то тут при чем? – Лайт-советник снова зевнул. – Ладно... Если выясните чего – сообщайте немедленно! И да поможет вам Каменное Небо.

– И что теперь?

Прежде чем ответить, Малыш аккуратно сложил лепестки солнцеловушек и заботливо укутал аппарат чехлом. Согласно прилагавшейся описи чехол должен был быть из драконьей кожи второй выделки, однако имевшийся в наличии подозрительно напоминал обычную свиную, видимо, куда менее популярную среди служащих отдела снабжения. Затем Уин, все еще словно не замечая Викки, достал из внутреннего кармана куртки кубинскую сигару, небрежно смахнул ножом ее кончик, запалил от длинной шведской спички, затянулся...

– Теперь, – задумчиво произнес он как раз в тот миг, когда побагровевший от гнева вексиль-шкипер начал раскрывать рот, готовясь издать свой лучший за утро вопль, – мы можем с удовлетворением констатировать, что знаем о случившемся еще меньше, чем вчера, – то есть не знаем абсолютно ничего.

*Австралазия, примерно 35 миль к югу
от Островов Сокровищ, рубка броненосного
крейсера «Сагири», тайса Ута Бакзхорн*

К пяти утра удалось наконец справиться с пожаром и в артпогребе второй башни – вернее сказать, бушевавшее там магическое пламя утихло само, не сумев совладать с трижды заговоренным металлом переборок. Еще через полчаса аварийная партия сумела взломать перекосившийся люк, проникла внутрь артпогреба и обнаружила, что все его содержимое – стеллажи с боезапасом, элеватор подачи, итд хикё хейсё Кай Аичи и восемь его подчиненных, составлявшие расчет погреба, – превратилось в невысокие кучки спекшегося шлака.

Об этом доложил капитану «Сагири» командир группы борьбы за живучесть, тай-и Гэкко Гавви – пожилой беловолосый тануки, выглядевший в асбестовом костюме еще более забавно, чем обычно.

Стоявшая у смотровой щели Ута поначалу не выказала никакой реакции на сообщение. Тануки, все еще замерев в почтительном полуприседе, также безмолвствовал, не без оснований полагая, что для молчания капитана есть весьма веские причины.

– Что с пробойной? – Голос капитана был непривычно резок. На тай-и она по-прежнему не глядела.

– Мы спустили за борт матроса на шторм-трапе, – сообщил Гэкко. – Отверстие в борту примерно два на полтора ярда – точнее он сказать не смог. В кубрике пожар еще полыхает вовсю, и вырывающееся из пробойны пламя мешает верно оценить ее размер.

– Когда вы думаете покончить с огнем?

– Сожалею, тайса, – на всякий случай тануки наклонился еще чуть вперед, сменив таким образом позу «почтение-2» на «почтение-3», – но боюсь, что не могу ответить на ваш вопрос. Будь это обычное, а не магическое пламя, оно бы уже погасло само, давно пожрав все, что годилось ему в пищу.

– Будь это обычное пламя, – отрывисто сказала капитан, – взорвавшийся погреб давно отправил бы нас докладывать духам предков о своем позоре.

– Вы совершенно правы, тайса, – поспешно сказал Гэкко. – Все мы должны возносить хвалу богам, что оружие врага уничтожило снаряды, не вызвав их детонации... Но ни я, ни сеса Амика, которая также пытается постигнуть суть этого пламени, не можем сказать, когда оно погаснет.

– Понимаю, – отвернувшись наконец от смотровой щели, Ута медленно прошла по рубке и остановилась перед Гэкко. – Возвращайтесь к вашей команде, Гавви. И, – последняя фраза догнала тай-и уже на пороге, – вы хорошо поработали сегодня.

– Тайса позволит мне осчастливить моих подчиненных сообщением о столь высокой оценке? – с надеждой спросил тануки.

– Да, разумеется. Я хотела бы как можно скорее получить у вас список отличившихся. И, – капитан едва заметно улыбнулась, – не забудьте вписать туда свое имя, тай-и!

Глава 3

Примерно 160 миль западнее Талары,

борт яхты «Принцесса Иллика»,

Бренда Ханко

– Итак, граф, – весело сказала я, – помнится, вы обещали поделиться с нами своими познаниями о цели нашего путешествия. По-моему, подходящий момент для этого уже настал.

– Разве? – удивленно спросил Рысьев. – Позвольте... хотя да, припоминаю, я и в самом деле высказал нечто подобное. Но, во-первых, я обещал сделать это чуть позже...

– И с тех пор минуло уже два дня. Или вы непременно желаете дожидаться, пока над горизонтом начнет проявляться Иглесиас?

– Ага. Значит, этот остров все-таки был на вашей карте?

– Был, да. Просто прежде я принимала его за след от мухи.

– Простительное заблуждение, – понимающе кивнул русский.

– И?

– Что «и»?

– Вы сказали «во-первых», – напомнил Крис. – Как не столь уж давно заметила мне одна... моя хорошая знакомая: «До сих пор мне казалось, что произнесение данного оборота предполагает следование за ним схожих «во-вторых», «в-третьих» и так далее».

– Кажется, я догадываюсь, о которой из ваших знакомых идет речь, – усмехнулся вампир. – Что же касается моего «во-вторых», то оно соображение крайне просто – побывавший на острове сеньор Пломмер может поведать о нем куда лучше меня, никогда на сей берег не ступавшего.

– Что касается моего «во-первых», – раздраженно сказала я, – то все воспоминания сеньора Пломмера сводятся к жалобам на полчища moskitov, орды красных муравьев и неисчислимыe легионы прочих гадов, угнездившихся в тамошних джунглях. Во-вторых же, – я мотнула головой в сторону бака, – как вы можете легко убедиться, в настоящий момент сеньор Пломмер весьма занят.

Занят сеньор Пломмер был отработкой жалованья палубного матроса – именно в таком качестве я согласилась допустить пребывание этого субъекта на борту моего корабля. Пусть Крису с Николаем и удалось втравить меня в эту авантюру... ну ладно-ладно, признаю, что сама я тоже не очень-то активно возражала, – но вот клуб никчемных бездельников на яхте и так на два члена больше, чем мне бы того хотелось. И пока сеньор Карл не может оплатить из причитающейся ему доли пиратского клада билет первого класса, разговор с ним весьма короток – швабра здесь, а палуба там!

– В-третьих, – добавил Крис, – лично у меня отчего-то сложилось впечатление, что у вас, никогда не ступавшего на сей остров, все же имеются и о нем, и о связанных с ним событиях куда более обширные познания, чем у сеньора Пломмера.

– Ну, о самом острове я и в самом деле знаю не так уж много, – задумчиво сказал вампир. – Это единственный остров в восточной части Тихого океана, на котором процветают влажные джунгли, – так что, думаю, жалобы Карла на тамошний климат и его постоянных обитателей имеют под собой весомые основания.

– Малыш Уин, – неожиданно сказал Крис, – как-то уверял меня, что неподалеку от Австралии есть остров, где муравьи не строят муравейники, а выращивают их... в смысле, выращивают деревья, а потом в них живут⁹.

⁹ Деревья, живущие в симбиозе с муравьями, действительно произрастают на острове Новая Гвинея.

– Ничуть не удивлюсь, если сие окажется истинной правдой, – невозмутимо отозвался русский. – Ибо насекомые эти на редкость сметливы. В Европе, как мне доподлинно известно, они пасут тлей, так же как мы – коров или овец. Так почему бы их австралийским сородичам не заняться садоводством?

– Довольно, – попросила я. – Про джунгли и их обитателей я могу рассказывать дольше, чем любой из присутствующих.

– Охотно верю.

– Так что вы знаете об этом чертовом острове, Николай?

– Как я только что сказал – не столь уж много, – произнес русский. – Открыл его, если мне не изменяет память, испанский мореход Хуан Кабесас в 1526 году. А первый зарытый на нем клад приписывают легендарному Генри Моргану – по крайней мере, именно это утверждалось в доносе, легшем на стол его величества Карла Второго. Сэра и губернатора Ямайки долго расспрашивали по этому поводу в Лондоне, но ничего так и не узнали.

Вторым, – продолжил вампир, – претендентом на превращение Кокоса в «пиратский сейф» принято считать мистера Уильяма Дампира, что забавно, также удостоенного впоследствии британской короной рыцарского звания. Личность, надо признать, столь же незаурядная, как и Морган. Моряк и исследователь, писатель и пират – впрочем, в те лихие времена такие сочетания встречались сплошь и рядом. Точных сведений о зарытом им кладе нет, но есть одна любопытная, особенно для людей моей прежней профессии, странность – в своих книгах, коих не так уж мало, сэр Уильям о Кокосе упоминает всего единожды, да и то ссылаясь при этом на рассказы других. А меж тем сам он плавал в этих местах долго, и в то, что сей островок ни разу не удостоился его посещения, верится с трудом.

– Дрейк там ничего не зарывал? – насмешливо поинтересовался Крис.

– Как ни странно, нет.

– Действительно... странно.

– А много наградил этот ваш Дампир? – с интересом спросила я.

– Немало, – усмехнулся Рысьев. – По крайней мере, вознаграждение за его голову испанский король назначил весьма солидное.

– А еще? – жадно спросила я. – Ведь были и другие?

– Были, – кивнул Николай. – Следующим крупным инвестором «Банк оф Кокос», видимо, можно считать уже знакомого нам Диего Томпсона. К слову, это также и самая достоверная из связанных с островом историй – капитан брига «Гаттерас» Джон Киттинг действительно привез в Сан-Франциско несколько бриллиантов из «сокровища Лимы».

– То есть Пломмер не врет? Киттинг действительно знал, где сокровища?

– Похоже на то. По крайней мере, – заметил Николай, – я не вижу других причин, способных позволить человеку, которого взбунтовавшаяся команда оставила на необитаемом острове, по возвращении прикупить небольшой особняк и спокойно прожить отведенный ему Господом остаток дней тихой и размеренной жизнью состоятельного буржуа. Другой вопрос, что та карта, которую он вручил на смертном ложе своему другу Джону Фитцджеральду, видимо, кое в чем отличалась от той, что он получил при схожих обстоятельствах от Диего Томпсона.

– Он соврал? Но зачем?

– Кто знает, – пожал плечами вампир. – Впрочем, мне самому больше импонирует версия о том, что изменения в карту внес сам Фитцджеральд. Я видел его тогда, в пятьдесят третьем, во Фриско – болван болваном.

– Лично видели? – недоверчиво уточнил Крис.

– Ну да, – кивнул русский. – Я тогда в первый раз попал в вашу замечательную страну... вторым помощником консула. И, надо признать, Сан-Франциско произвел на меня изрядное впечатление... после Сибири...

– А с чего вы так заинтересовались этим Фитцджеральдом?

– Им сложно было не заинтересоваться, – желчно усмехнулся Николай. – Потому что о планируемой им экспедиции в Сан-Франциско не знали разве что садовые улитки.

– И вправду болван.

– Так вот, – продолжил Рысьев, – даже если Фитцджеральд и сам изменил карту – например, надеясь последовать примеру Киттинга и попытаться набить карманы бриллиантами втайне от остальных участников экспедиции, – то это у него не получилось. Ну да Бог с ним. А тогда, в пятьдесят третьем, меня куда больше заинтриговала другая персона, также заявившая о том, что ей ведомы кое-какие сведения о зарытых на Кокосе сокровищах.

Подходящий момент усомниться в собственном слухе, решила я.

– Что, еще одних?!

– Не совсем.

– «Не совсем» – это как?

– Как вы, без сомнения, помните, – Рысьев чуть заметно качнул головой в сторону орудующего шваброй Пломмера, – по рассказу нашего нового друга Карла, сокровища на пристани Кальяо в сентябре 1820 года лежали горами в самом прямом смысле этого слова.

– Помним. И что с того?

– Дело в том, – пояснил вампир, – что на борт «Мери Диар» попали далеко не все «сокровища Лимы», как именovali сии богатства испанские историки. Часть из них осталась на берегу и была впоследствии погружена на галеон под названием «Релампаго».

– Только не говорите, – недоверчиво сказала я, – что сами испанцы, испугавшись дальней дороги, решили припрятать оставшееся у них золотишко на этом чертовом Кокосе!

– Отнюдь, – с жаром возразил Николай. – Они...

– Простите, граф, – неожиданно перебил его мой муж, – что приходится прерывать вас, но у меня к вам есть одна небольшая просьба.

– Да, Крис?

– Не могли бы вы излагать вашу, вне всякого сомнения, весьма занимательную историю тоном ниже? Дело в том, что, – Крис оглянулся и, подавшись вперед, перешел на полусеппот, – последние полчаса наш рулевой уделяет куда больше внимания вам, чем компасу.

– Ох, я ему сейчас...

– Прошу вас, Бренда, не надо. – Рысьев скорчил рожицу, долженствующую, по его мнению, выглядеть жалостливо. – Как справедливо заметил ваш муж, это мне стоило бы укротить свою луженую глотку.

В другое время меня бы не удержал и десяток жалобных Рысьевых. Однако сейчас мне до зарезу хотелось услышать окончание истории о кокосовых кладках, и потому я решила малость повременить с дисциплинарными разборками.

– Так что было дальше?

– «Релампаго» вышел из гавани под конвоем четырех военных судов, – для вящей наглядности вампир продемонстрировал нам ладонь с загнутым большим пальцем. – Испанцы считали, что такого эскорта вполне достаточно, чтобы обеспечить благополучную доставку сокровищ в Испанию, и ничуть не обеспокоились, когда вскоре после отплытия эскадры начал нагонять одинокий бриг.

– А следовало бы?

– Еще как! Этот бриг уже встречался в бою с испанцами и их союзниками французами. Он отличился в ходе знаменитого Трафальгара, когда под командованием капитана Александра Грэхема выполнил особый приказ лорда Нельсона. Грэхем же и продолжал командовать бригом. Правда, поскольку официально королевства Англия и Испания заключили мир, одной из статей которого обговаривалось запрещение столь любимого Александром каперства, мистер Грэхем счел за лучшее именоваться Альфонсом Беллафонте.

Я тихонько присвистнула. Этот самый Альфонс Белафонте сумел оставить о себе столь славную память, что на западном побережье Мексики его порой поминают и в наши дни... правда, не к ночи.

– Это его прозвали «Кровавый Меч»?

– Сия подробность мне неведома, – сказал Рысьев. – Если таковое прозвище и имелось, то картотека моего ведомства... то есть ведомства, к которому я еще недавно имел честь принадлежать, отчего-то не сочла нужным зафиксировать его. Итак, – продолжил он, – Грэхем-Белафонте вступил в бой с испанской эскадрой. Бой был короток и жесток. К его исходу на плаву оставались лишь два корабля. Изрешеченный ядрами и с минуты на минуту собиравшийся исчезнуть в пучине «Девоншир» и... – Николай сделал паузу, – «Релампаго»... – еще одна томительная пауза, – взятый англичанами на abordаж.

На этот раз очередь свистеть выпала Крису.

– Этот парень, похоже, любил хорошую драку, – заметил он. – Все-таки на море трудно сыскать более лихих и отчаянных парней, чем те, что плавают под «Юнион Джеком». Что бы там ни говорили некоторые остроухие...

– Ну, положим, – возразила я, – мои предки-викинги тоже чувствовали себя на волне не хуже, чем на родных скалах.

– Да и российский орел тоже не так уж плохо реет над волнами, – улыбнулся Николай. – Но Крис прав, у ребят с Островов есть чему поучиться. Все эти Морганы, Дампиры и Грэхемы... именно такие, как они, превратили королевство Британию в Империю, Над Которой Не Заходит Солнце! Впрочем, – продолжил он, – в тот момент французского флибустьера Белафонте мало волновало грядущее величие Великобритании. Содержимое трюмов «Релампаго» его занимало куда больше.

– Попробую угадать. – Ханко задумчиво уставился на украшавшие его правую руку темные ободки ногтей. Нахмурился. Я уже начала раскрывать рот для очередной, пятьдесят восьмой за текущий месяц, нотации, но вместо привычного перочинного ножа из кармана на свет божий явилась изящная маникюрная пилочка. – Они решили, что столь ценный приз следует как можно скорее куда-нибудь припрятать, – и направились к ближайшему острову, который, по их мнению, идеально подходил для этой цели.

– Истинно так, – подтвердил Рысьев. – Ближайшим же подходящим для оной цели островом, как вы, я полагаю, догадались, был Кокос.

– Вы еще скажите, – фыркнула я, – что, как только они закончили перетаскивать сокровища в тайник, у входа в бухту нарисовалась испанская армада.

– Нет-нет. Прятать добычу господам флибустьерам не помешал никто. Флот же – причем не испанский, а британский, занимавшийся согласно договору с испанским правительством отловом расплодившихся пиратов, – поджидал мсье Белафонте у берегов Коста-Рики, куда он отправился сразу после Кокоса. Не знаю, открыл ли Альфонс-Александр бывшим сотоварищам по «Юнион Джеку» свое истинное лицо или нет, – доподлинно известно, что на приговоре королевского суда сие не сказалось.

– Его расстреляли?

– Повесили, – сухо сказал вампир. – Расстрел, да будет вам известно, это в некотором роде честь, которую еще нужно заслужить. Личности же, подобные мсье Альфонсу, по мнению британского военно-морского устава, вполне могли удовольствоваться пеньковой веревкой и нока-реем.

– Наиболее же престижным видом казни, – подхватил Ханко, – числилось усекновение головы мечом. Здоровенным таким двуручником... впрочем, этой, как вы, граф, правильно заметили, чести удостаивались исключительно дворяне, да и то не всегда.

– И впрямь, новость, – медленно произнесла я. – Для меня. Жаль, право, что об этом также не знали бедолаги на обочинах мексиканских дорог – мне частенько доводилось наты-

каться на них. А уж те из них, кого удостоили удара мачете по голове... знаешь, любимый, хороший удар мачете способен раскроить череп ничуть не хуже твоего двуручника.

– Знаю, – мрачно сказал мой муж. – В шестьдесят третьем... ну да, второго июля... на одном Маленьком Круглом Холме я так лихо размахнулся «Спрингфилдом», что в щепки разлетелся не только приклад, но и ложа¹⁰.

– А что стало с головой мятежника, на которого ты замахнулся?

– Ничего! – еще более угрюмо сказал Крис. – Я промазал и попал по стволу дуба. А реба заколол парень, бежавший следом за мной.

– Второе июля 1863-го, – задумчиво повторил Рысьев. – Да... я помню тот бой, Крис. Правда, я наблюдал за ним с другой стороны...

– Вы что, сражались в рядах мятежников?!

– Боже упаси! Я всего лишь изображал мирного репортера при штабе Ли.

– И как вам понравилось шоу?

– Ну, – начал Рысьев, – по сравнению с Бородином и Лейпцигом...

– Стоп-стоп-стоп! – вмешалась я. То, что двое ветеранов любой войны способны предаваться воспоминаниям о-очень долго, – истина столь же непреложная, как падающий сверху вниз дождь. – Давайте вы насладитесь громами былых битв как-нибудь в другой раз. Сейчас мне все же хотелось бы дослушать окончание истории Грэхема-Белафонте.

– Собственно, – моргнул Николай, – история Грэхема-Белафонте, равно как и большей части его команды, закончилась, как я уже сказал, в пеньковых петлях. А неожиданно явившееся миру в пятьдесят третьем продолжение возникло благодаря некоей Мэри Уэлч.

– У парня, который выдумывал эти истории, явно было туго с фантазией по части имен персонажей, – ехидно заметил Крис. – Сначала два Диего, теперь вот вторая Мери.

– А кто, – спросила я, – была первая?

– Шхуна Томпсона называлась «Мери Диар».

– Точно.

– Оная Мери Уэлч, – продолжил вампир, – претендовала не более не менее как на звание дамы сердца Белафонте, а также, – очередная многозначительная пауза, – на обладание некоей картой, переданной ей возлюбленным незадолго до казни. Полагаю, нет нужды объяснять, что именно было изображено на этой карте.

– Пояснить нужно бы другое. – Крис закончил стачивать ногти на правой руке и принялся за изучение левой. – Почему за тридцать с хвостиком лет мисс – ведь она все еще оставалась мисс? – Уэлч так и не удосужилась сплавать за вышеупомянутыми сокровищами десятков-другой раз?

– Объяснение сей загадки крайне просто, – улыбнулся Рысьев. – На каторге, я, к сожалению, не припомню, австралийской или тасманийской, весьма плохо обстояло дело с организацией морских круизов – за исключением тех, которые обеспечивала британская Фемида.

– Довольно, граф, не томите! – Я постаралась изобразить свою лучшую умильную улыбку, но добилась в итоге лишь дежурного хмыканья от мужа. – Они нашли клад?

– Нет, конечно же, – сказал вампир. – По прибытии на остров оказалось, что за три десятка лет все на нем изменилось до неузнаваемости, так что карта Грэхема-Белафонте оказалась ничего не стоящим клочком бумаги. Впрочем, – быстро поправился русский, – на самом деле вовсе не таким уж никчемным, ибо даже после неудачного возвращения Мери сумела весьма выгодно продать его... некоему Антуану Гроше.

– Где-то я уже слышал эту фамилию, – наморщил лоб Крис. – Гроше... Гроше... черт, да это же один из друзей любимого мной мсье Верна!

¹⁰ Little Round Top находится в окрестностях небольшого пенсильванского городка под названием Геттисберг.

– Быть может, – кивнул Николай. – Однако боюсь, даже близкое знакомство с Великим Мечтателем отнюдь не способствует выработке у человека взгляда, пронзающего десятиардовую скалу.

Последняя фраза пробудила во мне одну смутную идею.

– А что, обнаружить клад с помощью магии никто не пытался?

– Пытались, разумеется, и множество раз, – сказал Рысьев. – В экспедицию Мери Уэлч входил лучший во Фриско маг школы Земли... Юлиус Сакраментский, если я правильно помню. А уж сколько народу мчалось на остров с очередными патентованными лозоискателями...

– И все без толку?

– Увы. Во-первых, не забывайте, что в «кладе Лимы» было множество реликвий Церкви. Чего стоит одна только семифутовая статуя Пресвятой Девы, снятая с главного собора Лимы. Во-вторых, у пиратов были свои методы сокрытия, в основном заимствованные их карибскими собратьями из арсенала вуду. Простые, кровавые – но весьма эффективные.

– Если эта статуя была отлита из чистого золота, – хрипло сказал Крис, – то лучше не спрашивайте меня, чего она стоит. Проклятье, лучше об этом не думать... от таких цифр голова болеть начинает.

– Я знаю, любимый, – нежно проворковала я. – Ты часто на это жалуешься.

Замок Джахор

– Как видишь, Гнейс, я был прав, говоря о двух кенджаа.

– Монсеньор, я и не претендую...

– А зря. Мог бы время от времени.

– И что дальше? – предпочел сменить направление разговора вампир.

– Дальше? Дальше действуем по сценарию, – усмехнулся его собеседник. – Моему сценарию. Гномов мы уже удивили, теперь пора подкинуть пищу для размышлений и второму участнику нашего будущего дуэта. И позаботься о слухах.

– Слухи уже расходятся, монсеньор.

– Гнейс... мой милый Гнейс... будь добр... – От нарочитой ласковости голоса собеседника вампира пробрала дрожь. – Постарайся сделать так, чтобы они не расходились и уж тем более не ползли, как сонные улитки, а разбегались! Ясно?!

– Да, монсеньор, – пятясь к двери, униженно забормотал вампир. – Конечно же, монсеньор, будет исполнено сей же час, монсеньор...

Разогнуться он позволил себе, лишь ступив на лестницу в конце коридора.

Пролив Уилсона, борт кеча

«Камеама IV», Мальши Уин

– Нам нужно на Гоблово, – уверенно сказал Мальш.

– Гоблово? – удивленно переспросил Викки. – Никогда не слышал о таком городе.

– Я сказал «на», а не «в», – напомнил Уин. – Гоблово – это остров. Четверть мили в поперечнике, магазин, бунгало, кладбище с подветренной стороны и удобная якорная стоянка.

– Благодаря вашему исчерпывающе красноречивому описанию, – съязвила мисс Тамм, – мне уже расхотелось посещать это место.

– Что ж, – рассудительно заметил полукровка, – если вы предложите лучшую альтернативу, я с удовольствием на нее соглашусь.

– Альтернативу чему?!

– Гоблову, разумеется, – отозвался Уин, внимательно наблюдая за медленно ползущим вверх по бедру правым запястьем наемницы. Не то чтобы он всерьез опасался, но у него уже сложилось определенное мнение о вспыльчивости Роники, а на ее поясе имелось несколько

предметов, в умелых руках способных стать весьма опасными. Назвать же изящные с виду ручки мисс Тамм неумелыми вряд ли решился бы любой знакомый с ней дольше трех секунд.

– Да что такого на этом вашем чертовом Гоблове?!

– Ром. Джин. Здравур. Шотландское виски, – начал перечислять Уин. – А еще – русская водка, коньяк, вермут, текила, абсент, сакэ...

– Хватит! Довольно!

Малыш Уин тяжело вздохнул.

– Пит, – обратился он к вексиль-шкиперу. – Ты-то хоть меня понимаешь?

– Вообще-то нет, – признался Викки. – Я подозреваю, что ты в данном случае ведешь себя, как и подобает почтенному гному, то есть руководствуешься логикой. Но вот твоя манера оставлять за бортом исходные посылки и промежуточные выводы... возможно, если бы ты попытался воспроизвести всю цепочку рассуждений вслух, то Роника также смогла бы разделить мою веру в тебя.

– Собственно, – чуть растерянно сказал Малыш, – никакой особой хитрости тут нет. Схема, как любит повторять один мой знакомый вампир, проста, как яблоко в разрезе. Мы столкнулись с чем-то неизвестным доселе, верно?

– О да, – ехидно заметила наемница. – Этот вывод оспорить нельзя.

– Роника, – недовольно нахмурился вексиль-шкипер. – Позволь Уину договорить.

– Ну вот, – продолжил Малыш. – Я и подумал: стоит, наверное, попытаться узнать, что еще происходило такого же неизвестного... загадочного... непонятного в здешних местах за последнее время. И это проще всего сделать именно на Гоблове.

– А почему не в Сиднее? – недоверчиво осведомилась мисс Тамм. – Лично мне кажется, что в большом порту мы и информации могли бы собрать куда больше.

Уин пожал плечами.

– Смотря какой информации, – ответил он. – Нас же не волнуют полугодовой свежести сплетни о притонах Глазго и кабаках Шанхая. А на Гоблове бывают в основном здешние торговцы и плантаторы...

– Наверняка лишь для того, чтобы упиться до полного оскотинения, – сухо прокомментировала Роника.

– Именно, – согласно кивнул Малыш. – И это нам на руку – прежде чем затуманить голову, выпивка развязывает язык... а на язык в таких случаях просится самое яркое воспоминание.

– Вот в *этих* ваших познаниях я не сомневаюсь ни секунды, – сказала Роника.

– А вам что, ни разу не приходилось напиваться? – удивился гном.

– Нет! – отчеканила наемница. – И я никогда не понимала существ, испытывающих к этому занятию хоть какое-то уважение.

Малыш вздохнул снова.

– Кто здесь говорит об уважении, мисс?

– Тогда я не понимаю вас еще больше. Зачем тратить время и здоровье на занятие, к которому не испытываешь уважения?

Уин вздохнул в третий раз.

– Проблема, – медленно произнес он, – заключается в том, что на этих проклятых всеми на свете богами Соломоновых островах попросту нет иного выхода.

– Как же, как же... Страшные Соломоновы острова... Уин, может, вам все-таки стоит приберечь ваши страшилки для кого-нибудь иного?

На этот раз Малыш вздохнуть не стал.

– Если вы, Роника, – начал он, – чуть повернете вашу очаровательную головку влево, то сможете сполна насладиться величественными склонами острова Велла-Лавелла. Формально этот никчемный клочок суши принадлежит Британской империи. Это означает, что именно

англичанам приходится присылать к его берегам крейсер каждый раз, когда здешние обитатели сожгут очередных кретинов, вздумавших основать на нем кокосовую плантацию. Или перережут экипаж трепанговой шхуны. Или просто сварят в котле пару-тройку миссионеров.

– Про их страсть к коллекционированию голов вы нам уже рассказывали, можете не повторяться.

– И не собирался. Я, – продолжил полукровка, – хотел уточнить, что на этих островах нет ничего мало-мальски ценного.

– Даже руд? – недоверчиво спросил вексиль-шкипер. – Знаешь, Малыш, я охотно готов допустить, что дикари неспособны оценить то, что лежит у них под ногами, но если за это дело возьмемся мы, гномы...

– ...то не найдем ничего, кроме чертовой уймы пемзы!¹¹ – закончил Уин.

– Странно, – сказал Викки, – в таком отвратительном месте что-нибудь ценное должно было сыскаться по Закону Всемирной Подлости. А сандаловое дерево?

– Ну, может, в здешних джунглях и отыщется сотня-другая стволов. Но как их вытащить оттуда? Вы же, – напомнил Малыш, – уже познакомились с мангровыми джунглями.

– Познакомились, да. – Лицо Викки явственно перекошилось, затем он перегнулся за борт и сплюнул. – Как припомнил, сразу в глотке донельзя отвратный вкус возник, – пожаловался он. – Такой мерзкой вони я доселе не обонял и, очень надеюсь, никогда в дальнейшем не буду. Парижская клоака по сравнению с ними выглядит парфюмерной лавкой, а уж в этом-то я специалист, поверьте.

– Я и не знал, что ею занимались гномы, – сказал Малыш.

– А я разве сказал, что работал там? – прорычал вексиль-шкипер. – Я в ней прятался... две, нет, три проклятые недели, пока эти идиоты в красных колпаках и карманьолах перерывали город сверху донизу. Очень уж им хотелось познакомить меня с их любимой «национальной бритвой».

– И что же ты не поделил с якобинцами?

– Деньги, понятное дело, – раздраженно ответил Викки. – После того как их дурацкий Конвент развалил все, до чего мог дотянуться, они мигом забыли прошлые завывания насчет всеобщего равенства, включая равенство рас, и ввели «особый и чрезвычайный» налог для нелюдей. Ффад мзарги, есть ли в этом мире хоть одна страна, где нет таких налогов?!

– С недавнего времени есть, – серьезно сказал Малыш. – Королевство Гавайи.

– Ах, ну да. Только вот если посчитать, во что нам обходится поддержка независимости этого королевства, равно как и меры по сохранению этой поддержки в тайне... может, дешевле было бы платить налоги.

– Не думаю.

– Вы мне лучше вот что скажите, Уин, – вновь вмешалась в разговор мисс Тамм. – Если на этих проклятых островах нет, как вы утверждаете, ничего ценного, то какого орка делают здесь обитатели этого вашего Гоблова? Чтобы с утра до вечера по брови заливаться виски и джином, вовсе не обязательно тащить их по волнам за две тысячи миль – вполне можно проделывать это и в Сиднее.

– Если везти из Брисбена, то выходит на пятьсот миль меньше, – заметил Малыш. – Что же касается здешних обитателей, то вы, большеноги...

– Уин! Я уже раз сто говорила, чтобы вы не смели называть меня так!

– ...вечно пытаетесь, как говорится, отыскать жемчуг в навозной куче. В то время как, – хмыкнул Уин, – иные расы ищут его в более подходящих для этого местах.

¹¹ На самом деле Уин не совсем прав – на Соломоновых островах имеются золотые россыпи, залежи железных и ферро-никелевых руд, магнезитов, бокситов, фосфоритов.

– Они ищут здесь жемчуг? – озабоченно переспросил Викки. – Значит, в нашу лагуну в любой момент могут приплыть новые шхуны?

– Нет, это просто выражение такое, – пояснил Малыш. – В смысле, жемчуг они тоже ищут, но большинство здешних больше... то есть сородичей Роники, занимается куда более стабильным и почтенным бизнесом, именуемым работоторговлей.

– До сего дня, – озадаченная мисс Тамм даже сочла возможным оставить без внимания оговорку Малыша, – я считала, что в Империи запрещено рабство.

– Ну, можете называть это вербовкой рабочей силы, – сказал Уин. – Суть-то не изменится. Хлопок на Фиджи, сахарный тростник в Квинсленде, кокосы на Новой Каледонии и Самоа – на всех этих плантациях нужны работники, много дешевых работников.

– Дешевых? – В глазах вексиль-шкипера полыхнул знакомый самоцветный отблеск. – Насколько дешевых?

Малыш пожал плечами.

– Пол-ящика табака за голову.

– Гхм.

С весьма озадаченным видом Викки несколько раз дернул себя за бороду, затем выудил из кармана мундира потрепанный блокнот в черной кожаной обложке и огрызок карандаша.

– Началось, – брезгливо процедила Роника, пятясь к борту.

Малышу очень нравился сок кокосов – и на слабость своих пальцев он тоже пожаловаться не мог. Однако следовать примеру наемницы, проткнувшей дыру в скорлупе одним небрежным движением, он все же не решился и до содержимого кокоса добрался более привычным способом – смахнув ножом верх ореха. Прохладный, похожий на молоко сок, шипя, запенился через край.

Полторы исчерканные странички спустя Викки поднял голову и задумчиво уставился на проплывавший мимо берег.

– Послушай, Уин, – начал он. – А может, жемчуг и вправду не такое уж выгодное дело?

Понапе, Острова Сенявина, Ута Бакгхорн

– Вы ведь бывали здесь прежде, тайса?

– Вообще-то это секретные сведения, штурман, – рассеянно отозвалась Ута, но, взглянув на настроенную юной нэко умильную физиономию, улыбнулась и сказала: – Была.

– Ох. А... неужели вы плавали с самим Каримото?

– Слишком много вопросов, юная леди, слишком много и слишком поспешных, – тягуче-дребезжащим голосом, в котором без особого труда угадывались нотки старого тесе, произнесла капитан «Сагири» – и первая же рассмеялась. Следом заливисто хохотнула Лин Тайл, оскалился вцепившийся в руль хэйте, и даже рядовые матросы-гребцы не удержались от усмешек.

Тайса Бакгхорн прекрасно знала, что поступает неправильно. Фамильярное отношение к младшему по званию офицеру и само по себе не есть хорошо с точки зрения дисциплины, а уж прямое потакание...

Знала – и тем не менее ничего не могла с собой поделать. Изящная кошечка была любимицей всей команды «Сагири», единогласно и безоговорочно выбранным талисманом корабля. Даже всекрейсерское пугало, боцман Масао, при виде Лин прерывал свои высокохудожественные тирады, мягчел лицом и неоднократно отпускал распекаемого с миром – действие, до появления хэйсоте Тайл на крейсере за старым сару никем не замеченное.

– Тогда, – уже нормальным тоном продолжила Ута, – Каримото Нитти был еще не пузатым тесе, проводящим куда больше времени на берегу, чем в море, а всего лишь тюса. Сварливостью, правда, он уже в те годы мог похвалиться избыточной, даже для его нынешнего чина.

– А вы?

– А я была всего лишь тю-и. Скромный, ничем особым не примечательный артиллерийский офицер... – Краем глаза Ута заметила недоверчивую гримаску рулевого. Похоже, команда крейсера была свято уверена, что их капитан никогда не была молодой и глупой и вообще появилась на свет подобно некоей человеческой богине – из морских волн. С той лишь разницей, что наряжена была при этом не в морскую пену, а во флотский мундир – разумеется, выутюженный и без единого пятнышка. – И ужасно гордилась тем, что командуя целой батареей на одном из самых сильных кораблей нашего «возрожденного» флота.

– На легендарном «Такао», – восторженно выдохнула нэко.

– Да, на легендарном для вас «Такао», – вновь улыбнулась Ута. – Старом голландском пароходе-фрегате с дюжиной таких же старых гномских пушек. Вам не смешно, хэйсосу? Будь на вашем месте кто-нибудь из наших стрелков, непременно бы засмеялся – ведь на тех дистанциях, что училась стрелять я, они сейчас с завязанными глазами выбьют девяносто из ста.

– Но эти корабли открывали для нас океан!

– В то время, – задумчиво сказала Ута, – многие были этим недовольны. Они говорили, что для столь дорогих игрушек можно найти и более доходное занятие – причем куда ближе к дому.

– Пфуй! – Нэко обиженно дернула носиком. – Что за низменные рассуждения! Они больше подходят каким-нибудь гномам или людям!

– У этих рас есть чему поучиться, юная леди.

– Чему же?

– Например, кораблестроению, – сказала тайса. – Так, чтобы корабль, которым будете командовать вы, оказался спущен на воду в Нагасаки, а не в Эльсвике.

– А когда вы...

– Обернитесь.

– Ай-о! – Вид появляющихся из-за мыса величественных каменных строений исторг из юного штурмана совершенно детский восторженный возглас. Да и полуоткрытый от изумления рот был типично детским... или, вернее, кошачьим, мысленно поправила капитан «Сагири».

– Тайса... эти каменные громады... они же стоят прямо в воде?!

– Они стоят на подводном рифе, – пояснила Ута. – Точнее, на искусственных островах, основанием которым служит риф.

– Но... это же целый город! Сколько же там этих островов?

«А ведь когда мы впервые увидели это место, – подумала Бакгхорн, – никому и в голову не пришло сравнить его с городом – настолько оно было непохоже на наши привычные лесные селения. Теперь же юная Лин нашла эту метафору с ходу... а я, пожалуй, могу пойти еще дальше и сравнить здешний каменный лабиринт с Венецией. Ну да, с Венецией».

– Мы насчитали девяносто два, – сказала она. – Это действительно настоящий город, со стенами, храмами, дворцами и даже кладбищем.

– Кладбищем?

– Местные называют его Островом Мертвых.

– Но кто построил этот город? Это, наверное, были очень сильные маги? А что с ними случилось?

– Слишком много вопросов, юная леди, слишком много и слишком поспешных, – капитан «Сагири» вновь призвала на помощь одну из любимых фраз старого тесе.

– Простите, тайса...

– И притом таких, – с улыбкой сказала Ута, – на которые я не могу ответить.

– А кто может?

– Эти камни. Впрочем, – добавила Бакгхорн, – надеюсь, что сеса Амика сумеет добиться больших успехов, чем экипаж «Такао».

Каменные громады становились все ближе. Первый остров... он назывался... Бакгхорн едва заметно нахмурилась. Остров Воинов? Нет, Остров Воинов был вторым – самый большой остров на всем рукотворном архипелаге. Идущий от него канал Крокодилов выводил к Острову Крокодилов. Этих тварей там и поныне невероятное множество – так же, как и змей на Острове Змей, в священном бассейне огромного храма. Домашние звери давно сгинувших хозяев...

Затем память сыграла с капитаном «Сагири» злую шутку, добыв из своих потаенных глубин давно и надежно, как казалось Уте, спрятанную картинку. Может, из-за этого картинка и была такой яркой и свежей, словно увиденная вчера, – гладь озера, в котором, по преданию, жрецы могли увидеть любое место на тысячу миль вокруг и в воде, словно в зеркале, две фигуры: смеющаяся тю-и и обиженно отвернувшийся высокий кицунэ. Миг спустя она налетит на него, толкнет в воду и, не удержавшись, свалится следом...

– Мы, – голос Уты был сух и ровен, – мало что смогли узнать. Местные дикари рассказывали нам, что город построили два брата, Олосип и Олосол, прибывшие сюда из далекой страны на огромном корабле. Они отличались могучей силой; они творили чудеса, и стоило им поднять руку, как укрощалась морская стихия. От этих братьев пошла династия Сауделеров. Но эти правители были столь деспотичны и жестоки, что навлекли на себя кару богов. Исокалакал, сын бога-громовержца, покарал последнего тирана, убив его. А освобожденные жители предпочли навсегда покинуть это страшное место.

– Но сейчас-то, – с надеждой сказала Лин Тайл, – мы ведь постараемся узнать об этом месте как можно больше?

– В этот раз, – сказала Ута, – нас интересует не тот Нан-Мадол, что вздымается над волнами, а тот, что сокрыт под ними.

Глава 4

Гоблово, Соломоновы острова, Малыш Уин

Этот маленький остров был открыт гоблинами – факт, который для любого мало-мальски знакомого с данной расой звучит как нелепость уже сам по себе. Тем не менее факт этот исторически достоверен – на момент открытия острова экипаж шхуны «Айк раззанай» состоял из пятерых гоблинов и кока-китайца, который имел еще меньше оснований претендовать на звание мореплавателя, чем его зеленошкурные партнеры.

Понятное дело, из Сиднея шхуна выходила с несколько другим названием – «Шальная удача» – и расово более разнообразным составом экипажа. Однако попытка запастьсь продовольствием на Малаите оказалась фатальной для ее капитана, первого помощника и троих матросов-канаков. Объяснения насчет судьбы еще двоих матросов гоблины впоследствии давали весьма путаные, кок же на сию тему говорить отказывался категорически.

Оказавшись хозяевами шхуны, гоблины в первую очередь переименовали ее. Переименование затянулось на три дня. На рассвете же четвертого празднество было прервано трагическим событием – на борту закончились запасы спиртного. К полудню гоблины сумели кое-как смириться с утратой и путем неимоверного умственного напряжения пришли к выводу, что вышеупомянутые запасы можно возобновить, если доставить имеющийся в трюме груз копры в порт назначения.

Идея была из тех, что принято именовать «абстрактно правильными». И гоблинам даже удалось значительно продвинуться в ее реализации. Они, пусть и весьма приблизительно, сумели установить текущее местонахождение шхуны, определили направление на Сидней, вернее, на Австралию... собственно, они сделали правильно почти все – вот только в стрелке компаса до конца разобраться так и не сумели. В итоге плавание «Айк раззанай» завершилось значительно раньше, нежели предполагалось, – на рифах безымянного в ту пору острова.

Пятью годами позже Компания Соломоновых островов созрела для мысли, что помимо сиднейской конторы было бы неплохо обзавестись чем-то вроде представительства поближе к разрабатываемому объекту. По итогам двухнедельного спора маленький и плоский «гоблинский остров» неожиданно для себя оказался безусловным фаворитом ввиду отсутствия на нем болот, джунглей и – last but not least¹² – туземцев.

Именно тогда на Гоблове появились упомянутые Малышом магазин и бунгало. Кладбищем островок обзавелся четырьмя месяцами позже – несмотря на отсутствие вышеупомянутых неудобств, новые обитатели Гоблова ничего не могли поделать с его географическим местоположением и, как следствие, с климатом. Климат же Соломоновых островов, обычно характеризуемый либо как «удушающая жара», либо просто как «отвратительный», и в самом деле мог отправить непривычное к нему существо на тот свет ничуть не хуже, чем Отелло – Дездемону.

Уину нравилось бывать на Гоблове. Во-первых, это действительно был опорный пункт цивилизации – человеческой цивилизации, разумеется, ибо все государственные образования остальных разумных и не очень заслуживающих звания таковых рас пока не считали дележку Великого Океана приоритетным занятием либо не очень жаждали афишировать свое участие в нем. Пункт, единственный на тысячу миль, если, стоя на его берегу, смотреть на запад, и на две – если смотреть на восток. Во-вторых, Уин был нетипичным гномом, и нетипичность эта выражалась не только в изрядной доле человеческой крови, но и в нелюбви к тесным, темным и шумным местам вроде каменных джунглей людских городов и пещерных чертогов его сородичей под ними. Последние же четыре года, проведенные Малышом в качестве личной тени одного из виднейших американских гномов, члена Совета Старейшин достопочтенней-

¹² Последнее по счету, но не по важности (англ.).

шего Корнелиуса Кrippa, успешно развили помянутую нелюбовь до стадии стойкой фобии. На Гоблове же можно было воспользоваться плодами прогресса в виде почты и сравнительно свежих газет, не вступая в соприкосновение с большинством порожденных этим прогрессом недостатков.

В-третьих, Уин был отнюдь не прочь пару-тройку раз в году деловито и основательно, как и подобает гному, упиться в приличном обществе, то есть в обществе существ, хотя бы изредка употребляющих выражения «на рассвете» вместо «солнце, он встал» или «обед подан» вместо «каи-каи, он здесь».

Пить на Гоблове умели. Вызвано это было не какими-то особыми флюидами алкоголизма, исходящими от острова, а вполне практическими, хоть и несколько спорными соображениями. Просто каждый из присутствующих вполне мог бы подписаться под высказыванием одного знакомого Малышу русского вампира. «В Сибири водка – это не алкоголь, а средство выживания». С поправкой на географию эта сентенция была вполне справедлива и для Соломоновых островов, на которых самые лучшие амулеты, верно хранившие своих владельцев от Глазго до Шанхая, оказывались бессильными перед лицом тысячи и одной заразы, наполнявшей здешний воздух. Возбудители тропической лихорадки были куда живучее и злобнее бледных спирохет, но регулярно пропитываемые спиртосодержащими растворами организмы стали крепкими орешками даже для них.

Знаком принадлежности к высшему обществу на острове служил галстук. Обычай носить его ввел в бытность прежний местный управляющий, легендарный Жан Неверле, бывший метрдотель парижского ресторана. Галстук или шейный платок – но только настоящий, а не любая наскоро возведенная в ранг такового тряпка.

Для Викки, впрочем, было сделано исключение из правила. Внеочередное заседание «клуба гобловских джентльменов» единогласно постановило, что военно-морской мундир в целом вполне может быть приравнен к требуемой для схода на берег детали гардероба.

Всю мудрость своего решения гости и постоянные обитатели Гоблова смогли оценить вечером, когда выяснилось, что у вексиль-шкипера имеется нераспечатанная колода карт. На Гоблове же – по вине некоего шулера с Левуки – вот уже добрых пять недель наблюдался жесточайший дефицит данного продукта полиграфии, и тот факт, что виновник этого прискорбного состояния обрел свою последнюю якорную стоянку под сенью здешних кокосовых пальм, служил истосковавшимся по игре гобловцам весьма слабым утешением.

Благодаря этой колоде интеграция вексиль-шкипера на Гоблове прошла как нельзя более успешно. Здешнее высшее общество, состоявшее в данный момент из управляющего, двух его помощников, троих плантаторов, торговца жемчугом с Фиджи, капитана трепанговой шхуны «Мечта», а также штурмана и торгового агента с нее же, даже сочло себя обязанным пойти навстречу гостю и включить в число традиционных для острова игр гномский гвинт.

Именно в гвинт, как отчетливо расслышал подходивший к бунгалу Малыш, сейчас – как и всю последнюю неделю – играли.

– Пол лепни в сердцах!

– Лепня в шарах!

– Питер, ваше слово?

– М-м-м... гвинт!

– Однако... а пожалуй, что и пас, джентльмены...

– Предлагаю после этой партии перейти на пикет, – сказал Колин Мак-Намара, второй помощник управляющего. – Полагаю, мистер Пит уже достаточно продемонстрировал... добрый вечер, Малыш... что садиться играть в гвинт за один стол с гномом присутствующим пока рановато.

– Вино или сразу скотч, сэр? – вежливо поинтересовался слуга.

– Скотч с содовой, – попросил Уин, оглядываясь в поисках свободного стула.

– Наполни заодно и мой стакан, бой.

– Пусть тащит сразу бутылку.

– Две.

– Для существа с вашими габаритами вы сдались удивительно быстро, Колин, – с улыбкой заметил Фил Фань.

Полное имя скупщика жемчуга было Филандеваль аэн Глауэд Чан Джи Фань, и основания для иронии у него были – унаследовав от обоих своих родителей не только имена, но и присущую их расам хрупкую красоту, по весу он уступал массивному шотландцу примерно втрое.

– Размер головы означает лишь то, что мыслям приходится дольше ползти по извилинам! – парировал Мак-Намара. – И уж точно не делает карты счастливее.

– Счастье? – Вряд ли кто-нибудь из присутствующих смог бы объяснить, каким именно образом полуэльф сумел придать своему лицу выражение поистине безграничного удивления. По крайней мере, бровь он точно не приподнимал. – При чем здесь счастье? Гвинт – математическая игра.

– Какая-какая?

– Математическая.

– Да будет вам, Фил, – сказал капитан «Мечты». – У меня и с арифметикой-то в воскресной школе не ладилось. Да и сейчас я в ней едва плаваю, правда, Барт?

– Точно-точно, – поддакнул штурман. – Недаром портовый инспектор в Сиднее уже пятый год все никак не может постигнуть, почему судно, из рейса в рейс приносящее сплошные убытки, все еще не стоит на приколе?

– Мы-то ладно, – осклабился капитан. – А вспомните Билли Ву... вашего, между прочим, дальнего родственника, Фил.

– По эльфийской линии?

– Нет. По китайской. Таможенники зубами скрипели, глядя, как парень порожняком шныряет между Фриско и Йокогамой. А меж тем каких-то жалких десять-двенадцать рейсов – и Билли-бой, словно по наущению дядюшки-архимага, превращается из простого капитана в мистера Ву: каменный особняк в Сингапуре, собственный выезд и все такое. И уж точно никакой Золушке не дарили такую чековую книжку лондонского банка.

– Иллюзия на трюм? – предположил Викки.

– Нет, что вы, – отрицательно качнул головой капитан. – Все было по-честному... почти. Трюмы были пусты.

Малыш нахмурился.

– Этот Билли Ву, – сказал он, – невысокий малый с аккуратными усиками, шрамом над левой бровью и маленьким пистолетиком в правом рукаве?

– Он самый, – подтвердил управляющий. – «Дерринджер» сорок первого калибра с перламутровой рукояткой. Билли вечно таскал его за манжетой... а может, и по сей день таскает. Старые привычки так просто не уходят.

– А что, – с интересом спросил Фил, – вы имели касательство к этой истории?

– Очень мимолетное, – задумчиво глядя на свой стакан, отозвался Малыш. – Однако же могу предположить, как мистер Ву умудрился сколотить состояние, гоняя через океан пустую шхуну.

– И как же?

– У него был не совсем обычный балласт.

– Перекрашенные золотые самородки? – предположил управляющий.

– Нет, что вы, Сэм! Такими дешевыми фокусами таможеню не пронять. В балласте у мистера Ву был песок...

– Золотой! – торжествующе выкрикнул один из плантаторов и, натолкнувшись на десяток недоуменно-сочувственных взглядов, смущенно пробормотал: – То есть я хотел сказать... совсем не то, что сказал. Я хотел сказать: конечно же, не золотой.

– Не золотой, – подтвердил Малыш. – По крайней мере, вкус, цвет, запах и полдюжины алхимических проб свидетельствовали, что это был самый обычный кварц, без всяких драгоценных примесей.

Внезапно Мак-Намара, едва не выронив бутылку, откинулся на спинку стула и громко расхохотался.

– Понял! – объявил он. – Малыш, если я прав, то сейчас я назову тебе штат, где набирали этот песок!

– Попробуй.

– Арканзас!

– Угадал.

– Видимо, я тупой, – подсчитав количество понимающих кивков, пожаловался штурман «Мечты». – Объясните на пальцах.

– Абразив.

– Ты ж сказал – Арканзас?

– Арканзас – это штат в САСШ, – сказал Уин. – Абразив же в просторечии именуют точильным камнем...¹³

– ...брусочек которого иной раз стоит дороже самородка такого же веса, – закончил Филандеваль.

– Вот видите, Колин, – продолжил он, – вы абсолютно зря жаловались на скорость прохождения нервных импульсов сквозь содержимое вашего черепа. На самом деле уже сам факт нахождения кого-либо здесь уже с достаточной ясностью свидетельствует о недюжинных интеллектуальных способностях данного существа.

– Любопытное заявление, – хмыкнул Мартин Синж, управляющий гобловской факторией. – Я бы даже сказал – неортодоксальное, если уж вам, Фил, так приспичило пользоваться всякими заумными словесами.

– Вот, – ехидно заметил капитан «Мечты», – до чего доводит чтение классиков. К примеру, Стив Ричуинти – шкип был что надо, котиков чуял за двадцать миль, команда на него разве что не молилась – однажды вот так взял в рейс какую-то китайскую книжонку. И – пропал. В разгар сезона бросил все, вернулся в порт, распустил команду, а сам вышел в море и в новенькой, и трех лет не проплававшей шхуне самолично прорубил дыру в днище. Виданное ли дело, а? Потом, говорят, подался к каким-то горным монахам – вымаливать прощение у душ невинно убиенных.

– Он что, многих на тот свет спровадил?

– Многих... да.

– Ладно еще, что он командовал всего лишь котиковой шхуной, – со смехом добавил штурман. – А ну как это была б рыбацкая лоханка? Представляете – просить прощения у каждой выловленной трески!

– Треску можно считать бочонками!

– Э нет, так не пойдет. Чем треска хуже котиков?

¹³ **Arkansas Stone** – горная кварцевая порода, известная также под названием «новакулит» (от лат. «бритва» или «острый нож»), используемая для заточки режущего инструмента. Крупнейшее месторождение, открытое в первой четверти XIX века, расположено в горах Вачатау (Арканзас, США). Как правило, белого цвета, но может иметь и другие цвета. Твердый черный арканзас – популярный абразив для ручной доводки режущих кромок. Делится на две основные разновидности: твердый мелкозернистый (Hard), с мелкозернистой, однородной и очень плотной структурой, и мягкий (Soft) – более пористый, менее плотный, со средним зерном. Доводочные разновидности известны под названием Translucent True hard. В основном имеет белый цвет, но встречаются различные оттенки голубого, розового, желтого, коричневого и черного.

Сидевший справа от Малыша Кларк Гендерсон, плантатор с соседнего острова Гуадалканал, внезапно чихнул. Оглушительный – по крайней мере, для Уина – чих сопровождался жалобным звоном стаканов.

– Треска – рыба, котик – зверь.

– Разве? – удивился капитан. – А я-то до сих пор считал, что Господь создал зверей исключительно для суши. То же, что пахнет рыбой и плавает в воде подобно рыбе, рыбой же и зовется.

– С точки зрения современной науки... – начал полуэльф, но его перебил второй помощник управляющего, Рой «Худышка», выкрикнувший:

– Тогда ты сам – рыба, кэп!

После этого все присутствующие в бунгало дружно начали – в зависимости от темперамента – смеяться, хохотать или ржать, двое же самых невезучих – отплевываться, пытаясь направить не вовремя оказавшееся в глотке виски на путь истинный.

– В любом случае, – дождавшись, пока все присутствующие вновь обретут способность если не говорить самостоятельно, то хотя бы внимать звукам чужой речи, сказал Мак-Намара, – ваш, Гарри, подход насчет бочек в корне неверен. Если уж вы распространили понятие бесмертной души на котиков – что вообще-то является наигнуснейшей ересью и потому противно моей шотландской душе, – то отчего же отказываете в этом треске? Это будет... черт, Мартин, как это будет?

– Нелогично, – подсказал управляющий.

– Вот! Нелогично!

– Что ж, – задумчиво произнес Филандеваль. – Знакомство с доктринами дзен-буддизма порой радикально сказывается даже на тех личностях, которые принято относить к разряду сильных. Но, джентльмены, заверяю вас, что «История цивилизации» Бокля, избранная мной для изучения в этом рейсе, никоим образом...

– Фил, не виляйте, словно пеламида!¹⁴

– Вилять? – недоуменно переспросил полуэльф. – Вообще-то мне чрезвычайно затруднительно производить подобное хотя бы в силу отсутствия хвоста, да и общее строение организма не особо благоприятно...

– Вы прекрасно поняли, что я имел в виду, – сказал Синж. – Минуту назад вы, Фил, изволили высказать лемму, гласящую, что все присутствующие здесь являются... напомните, как вы сказали?

– Существами недюжинных интеллектуальных способностей, – повторил торговец жемчугом. – Правда, я бы не стал применять к этому утверждению термин «лемма»...

– Неважно, – махнул рукой управляющий. – Я очень смутно представляю себе область применения этого термина, а остальные присутствующие, исключая, понятное дело, вас и, думаю, почтенных гномов...

– Меня, – улыбнулся Малыш, – можно не исключать.

– ...и того меньше. Что, кстати, уже опровергает вашу... вашу мысль!

– Вообще-то знание вышеупомянутого термина вовсе не обязательно должно коррелировать...

– Фил! Говорите по-английски!

– Прошу прощения, джентльмены. Я всего лишь хотел сказать, что знание или, наоборот, незнание правил употребления слова «лемма» никак не может рассматриваться в качестве мерила интеллектуальных способностей.

¹⁴ Двухцветная пеламида (Pelamis platurus) – тихоокеанская морская змея.

– А присутствие здесь – может? – Мак-Намара, чуть наклонив голову, разглядывал полуэльфа с таким видом, словно на его месте неожиданно возник папуасский шаман. – Лично я до сих пор считал, что в эту чертову дыру попадают лишь полные олухи... наподобие меня.

– Наоборот, – с жаром возразил Филандеваль. – Оказаться здесь нас заставили именно упомянутые мной способности, позволившие нам разглядеть в этой, как вы изволили выразиться, чертовой дыре ее грядущее величие. Да-да, джентльмены, я ничуть не оговорился, – величие. Еще каких-нибудь полвека – и каждый клочок здешней суши, скажем, вашу, Гендерсон, гуадалканалскую плантацию на северо-восточном склоне Маунт Галлего, будут оспаривать друг у друга могучие державы, а... – Окончание фразы растворилось в дружном хохоте слушателей.

– Ну, Фил, ты как скажешь, так скажешь, – утирая слезы, просипел Кларк Гендерсон. – Кусок джунглей, купленный за два ящика табака, две связки ситца и пять бутылок джина будут оспаривать великие империи... ну и ну!

– Прямо так и вижу газетные заголовки, – вторил ему штурман «Мечты». – Бой у острова Саво... Сражение у мыса Эсперанс... Броненосцы в тропических морях...

– Так, джентльмены, – скомандовал управляющий. – Проследите – Филу сегодня больше не наливать!

– Смейтесь-смейтесь, – прищурился полуэльф. – А между тем кое-какие загадочные гости уже начали наведываться в здешние воды.

– И что за гости? – Тон вексиль-шкипера был небрежен настолько, что Малыш с трудом удержался от выкрика: «Викки, не переигрывай!»

– А, чушь собачья! – пренебрежительно махнул рукой Колин Мак-Намара. – Обычные небылицы дикарей.

– При всем уважении, Колин, – медленно произнес Филандеваль, – думаю, не следует быть столь категоричными в оценках. И забывать, что мы чужие в этих краях. Местные...

– ...считают богом любого, у кого есть «винчестер», – перебил его Мак-Намара. – Или дьяволом. Я уже сбился со счета, сколько раз здешние черномазые пытались наслать на меня порчу. А старый Фаулер? Сидит себе на атолле посреди океана, запивает джин скотчем, а десять тысяч канаков вслушиваются в каждый его зевок. Говорят, они пришибли уже пятерых своих верховных жрецов за то, что эти Великие Повелители Ужасных Демонов ничего не смогли поделаться с маленьким сморщенным пьяницей-шотландцем.

– Однако, – возразил торговец жемчугом, – меня лично крайне занимает тот факт, что легенды о корабле мертвых именно в последнее время получили... или, правильнее сказать, обрели некую конкретную форму.

– Чушь собачья! – повторил помощник управляющего. – Вот вы, мистер гном, скажите – это ведь в ваших легендах плавают Летучий Голландец из костей утопленников?

Малыш, знавший Мак-Намару достаточно хорошо, решил, что Колин задал свой вопрос исключительно в надежде полюбоваться картиной «Гном с выпученными от изумления глазами».

– Что-о-о?

– Подозреваю, – сказал Филандеваль, – что Колин имеет в виду Нагльфар. Драккар ада, везущий воинство тьмы – демонов и призраков Морхегга. Согласно древней легенде Нагльфар будет построен из ногтей трупов.

– Никогда, – гордо заявил Викки. – Мы, гномы, не могли верить в подобную...

– ...чушь собачью!

– Никоим образом, почтенный гном, никоим образом, – пропел полуэльф. – Хотя мифология жителей Скандинавии имеет немало общего с вашей...

– Скажите уж прямо – цельнотянута!

– Это, – чуть улыбнулся Филандеваль, – не стану отрицать, одна из основных и наиболее, на мой взгляд, логичных теорий, объясняющих данное сходство. Но бесспорен и тот факт, что так называемые морские мотивы не могли быть заимствованы у вашего, мистер Пит, народа.

– За отсутствием таковых, – фыркнул Колин. – Настоящему гному проще прорыть тоннель под Датским проливом, чем переплыть его.

С освещением в бунгало было неважно – заряды эльмовых шаров приберегались хозяевами на ночь, солнце же без особой настойчивости пыталось просочиться сквозь многочисленные щели в стенах и закрытых ставнях – лишь затем, чтобы запутаться в сизых клубках табачного дыма. Но глазам Малыша хватило и этих остатков света, чтобы заметить, как по напрягшейся шее вексиль-шкипера медленно ползет полоска цвета его же мундира.

– Вы, мистер, похоже, великий знаток истинных гномов, – процедил Викки.

– А вы, Пит, нагляднейшее подтверждение его неправоты! – рассмеялся управляющий. – Довольно, джентльмены, будет вам... сушите весла! Жара, виски, падающий барометр... кстати, о барометре: Барт, вы ближе всех, гляньте, что он показывает?

– Двадцать девять семьдесят пять.

– Пройдет мимо.

– Думаете?

– Хотите пари?

– Спорить с вами? Нет уж...

– Джентльмены, джентльмены... – После бесследного исчезновения пятнадцатого по счету колокольчика Синж оставил попытки оснастить гобловский «клуб» этим атрибутом и теперь не без успеха заменял его пустым стаканом и раскрытым перочинным ножом. – Давайте наконец определимся, во что мы будем играть дальше? Есть предложения?

– Покер? Киббедж?

– Лучше что-нибудь попроще, вроде «казино».

– Может, в тонк, а, джентльмены? Отличная быстрая игра... как думаете, Кларк?

– Почему бы и нет.

– Фил?

Полуэльф отрицательно качнул головой.

– Я, с вашего позволения, – сказал он, вставая, – немного пройду. Хочется, знаете ли, время от времени позволить легким насладиться чем-нибудь, кроме продуктов горения смол и никотина.

– Джентльмены, а ведь он снова прав. Вы слишком много курите.

– Трубка и ром, как говорил мой папа-флибустьер, сведут тебя в могилу, сынок, – сказал второй плантатор, чью фамилию Малыш никак не мог запомнить. Что-то французское и связанное с женщинами... Шершель? Ляшарель?

– Как врач, хоть и бывший, – ехидно заметил штурман «Мечты», – вы, Алекс, должны лучше остальных присутствующих знать, что в здешних местах тысяча вещей способна отправить на закат любого из нас куда раньше, чем прокуренные легкие и съеденная циррозом печень. Кто будет сдавать? Кларк?

– Фил, – окликнул Малыш проходящего мимо торговца, – не возражаете, если мы составим вам компанию?

– Мы?

– Я и вот эта, – початая бутылка скотча на миг превратилась в прозрачный круг и снова замерла в ладони полукровки, – красotka. Согласен, – продолжил Уин, – что по части форм она не очень-то соответствует эльфийским стандартам красоты, но зато какой у нее богатый внутренний мир!

– Малыш, в вас пропадает либо поэт, либо философ. – Филандеваль задержался у дверного проема, пропуская собеседника вперед – привычка, над которой, как помнил Уин, уже

лет семь подшучивало пол-Океании. Местные острословы утверждали, что манера эта служит не доказательством полученного Чан Джи Фанем воспитания, а недвусмысленно указывает на наличие в отцовской крови изрядной примеси темных сородичей, ибо представители сильного пола склонны пропускать себе подобных вперед только в том случае, когда готовятся вонзить предательский клинок в удобно подставившуюся спину.

– Спасибо, что не артист, – серьезно отозвался Уин.

– Ну, нынешним императорам далеко до своих древних товарищей по профсоюзу, – засмеялся эльф. – Если даже и сжигают столицу, то не свою, а вражескую. Да и то скорее по недомыслию, чем по сознательному умыслу.

– Фил, а правда, – вопрос родился у Малыша неожиданно, словно внезапно налетевший шквал, – что он был эльфом?

– Он – это Наполеон или Нерон? – улыбаясь, переспросил Филандеваль. – Впрочем, ответ все равно один – я не знаю.

– Неужели? А мне иногда кажется, что вы знаете все и обо всем на свете.

– Иллюзия, не более того. – Малыш и торговец шли в сотне шагов от берега, и рокот прибоя странным образом вторил певуче-мягкому голосу полуэльфа. – Подумайте сами, Уин, ну разве может преуспеть в познании этого бескрайнего мира скромный торговец жемчугом? Да, я склонен разнообразить редкие часы своего отдыха, вкушая плоды не только хлебного дерева, но и того, что принято именовать просвещением, однако это не более чем склеивание крупиц со столов великих.

– Фил, ваша скромность может соперничать лишь с вашей же образованностью и доходящей до чопорности вежливостью – это известно каждому моллюску от Новой Зеландии до Алеутов! Так что поберегите все это пышное красноречие для будущей миссис Фань и просто ответьте на вопрос!

– Я говорил тебе, что ты чертов маленький упрямец? – К радости Малыша, Филандеваль наконец в очередной раз счел, что обращение на «вы» также относится к «пышному красноречию и доходящей до чопорности вежливости». – А?

– Тринадцать за все время нашего знакомства, из них два – за последнюю неделю, – отозвался Уин.

– Поставь еще один крестик... и давай присядем. Я, видишь ли, на самом деле вышел не только из-за учиненного нашими друзьями филиала Везувия. Кажется, – озабоченно произнес полуэльф, сосредоточенно вглядываясь куда-то в глубь себя, – последняя бутылка джина была лишней... или не она, а флакон здравура после ленча?

– Интересно, ты блюешь так же изящно, как и делаешь все остальное?

– Возможно, тебе сейчас представится случай... о, черт!

Малыш все же решил проявить деликатность и отвернулся, старательно не обращая внимания на звуки за своей спиной.

– Платок нужен? – наконец деликатно спросил он.

– Благодарю, у меня сво-о...

– Эй, а ты, часом, не отравился?

– Не думаю.

Уин секунд пять пытался подобрать название для цвета, в который накотившая бледность окрасила точеное лицо полуэльфа. Не белый, нет – снежно-белым был батистовый лоскут, который Фил прижимал ко рту. А этот цвет он видел совсем недавно. Видел у... Точно! Малыш с трудом удержался от щелчка пальцами. Ручка трости вексиль-шкипера из мумаковой кости имела точь-в-точь такой же оттенок.

– Не думаю, – повторил Филандеваль. – Разве что повар Синжа раздобыл откуда-то древнекитайский трактат о ядах. Ни одна из известных мне местных отрав подобного букета ощущений не вызывает. Кроме того, я, знаешь ли, существо предусмотрительное...

– ...и носишь на безымянном пальце левой руки перстень-ядолов, – закончил Малыш. – У меня, как видишь, такой же – и именно потому я знаю: протухшую рыбу от свежей эта эльфа безделушка не отличает.

– Зависит от концентрации.

– Концентрации чего?

– Трупного яда.

Теперь настала очередь Малыша вглядываться, точнее, вслушиваться в себя, пытаясь уловить, желает ли сегодняшний обед оставаться в районе пряжки пояса?

– Неаппетитная тема, не так ли? – сочувственно произнес полуэльф.

– Ага. Может, сменим?

– Охотно, – кивнул торговец.

– Там, в бунгало, – начал Уин, – Мак-Намара перебил тебя как раз в тот момент, когда ты начал говорить...

– ...что легенды о корабле мертвых именно в последнее время обрели весьма отчетливые очертания. Так и есть. Я говорил об этом резиденту на Бугенвиле – увы, его реакция была аналогична той, что сейчас продемонстрировал наш общий друг Колин. Отец Анри с Паумоту отнесся к моим словам с куда большим вниманием, но все, что в его силах, – это отправить тревожное послание Святому Престолу.

– Не так уж и мало.

– К сожалению, – вздохнул Филандеваль, – сам отец Анри был крайне пессимистично настроен относительно судьбы посланной им депеши.

– А разве это не грех?

– Да, уныния. Боюсь, однако, что пессимизм этот был вызван не свалившим его приступом лихорадки, а осознанием ценности, которую представляют наши клочки суши в глазах наместника святого Петра. Конечно, поток миссионеров пока не иссякает, что говорит...

– ...о том, что тупоголовых кретинов с каждым днем становится все больше и больше! – фыркнул Уин. – Удивительно, как это туземцы еще не догадались требовать, чтобы все жаждущие нести им Слово Божье прихватывали заодно и приправы для котла. Молитвенники-то вкуса не улучшают, сколько их ни вари!

– Стараться вернуть заблудших овец в стадо – долг каждого почитающего себя истинным пастырем душ! – наставительно произнес полуэльф. – Такова официальная позиция Святого Престола.

– А неофициальная?

– Неофициальная, – задумчиво повторил торговец. – Если верить отцу Анри, – а мне уже неоднократно доводилось убеждаться, что после трех бутылок джина на ложь он уже не способен, – так вот, если верить словам отца Анри, то неофициальная позиция гласит примерно следующее: эти острова сплошь населены дьяволопоклонниками. А потому, если мы – под «мы» я разумею всех обитателей Океании – дружно провалимся куда-нибудь в тартарары, траур будет недолгим.

– Ну, – сказал Малыш, – как закоренелый язычник, я тоже не буду особо горевать, если добрым римлянам захочется соорудить на месте Ватикана самую большую в мире пиццерию. Лучше расскажи, что же такого страшного происходит в наших Южных морях?

– Что-то, – хмыкнул полуэльф. – Что-то происходит. Странные корабли – или не корабли даже. Рыбы по виду глубоководные – что погнало их на верную смерть, к поверхности? Я разговаривал с шаманами на всем архипелаге, и они утверждают, что какая-то мрачная, но мощная Сила вплетается в привычные потоки.

– Странные корабли – это как? Объясни, – потребовал Малыш.

– Про первый мне рассказали на Бора-Бора. Правда, – печально сказал Филандеваль, – я до сих пор не уверен, правильно ли понял речь тамошних аборигенов. Огромная, под сотню

ярдов, рыба, похожая на черного кита, а на верхушке ее плавника – глаз, сияющий в ночи ярче тысячи солнц. Конечно, – продолжил он, – подобный светильник бывает и у некоторых глубоководных рыб. И не исключено, что этот таинственный левиафан и в самом деле порожден океанской бездной, – но, сам не знаю почему, – добавил полуэльф, искоса глядя на собеседника, – мне вспомнился «Монитор»...

Уин промолчал. Прожектором «Сына Локи» управляли они с Викки – и им было очень-очень смешно. Как и всему экипажу субмарины – «веселящий газ» из неправильно маркированного баллона выветривался почти четыре часа.

– Второй корабль видел один туземец с Фуатино. «Большой, черный, как сердце вампира, резал волны быстрее меч-рыбы» – но ни парусов, ни дыма видно не было. Местные свято уверены, что это был корабль-призрак, сборщик душ.

– Фил, – медленно произнес Малыш, – а вы, случайно, не запомнили имя этого туземца?

– Случайно... – На миг Уину показалось, что в глазах Фила вспыхнули крохотные искорки, вспыхнули и пропали. Насмешливые искорки. – Запомнил. Туземца зовут Хуру.

Нан-Мадол, Ута Бакгхорн

– Их там нет.

– Вы забыли добавить «тайса», Гиити, – укоризненно сказал старший офицер «Сагири».

Тай-и Гирс Гиити, командир «спецотряда Лилий», приданного тайсе Бакгхорн для выполнения миссии чрезвычайной секретности и важности, о провале которой он только что и доложил, очень медленно повернул голову, и нэко понял, что дуэль взглядов безоговорочно проиграна им еще до ее начала. В глазах тай-и не было ни страха, ни любопытства – ничего, кроме целого океана усталости.

– Мы, – слова Гиити медленно сочились сквозь стиснутые губы и, срываясь, падали в тишину рубки, словно капли воды из неплотно подогнанного сальника, – семь проклятых раз обнюхали каждую проклятую песчинку в этом проклятом подводном городе. И заглянули под каждую проклятую раковину в радиусе пяти миль вокруг него. Трое моих парней сейчас валяются в лазарете. Впрочем, если вы желаете удостовериться в том, что мы не проглядели такую незначительную *мелочь*, как десяток-другой платиновых саркофагов... «пузырь» к вашим услугам, сеса.

– Но ведь они должны быть там! – Лихорадочное постукивание хвостом вообще-то также являлось нарушением этикета, за соблюдение которого ратовал старший офицер, но в данный момент все силы нэко уходили лишь на то, чтобы сдержаться и не заорать благим мявом. – Комиссия Одзабуро подтвердила это за неделю до нашего отплытия!

– Ни секунды не сомневаюсь в профессионализме и компетенции астрологов и магов из Комиссии, – отозвался тай-и. – Собственно, сеса Амика полностью подтвердила их выводы, зафиксировав четкие следы ауры именно в том месте, где мы и предполагали обнаружить саркофаги. Все очень-очень просто – за неделю до нашего отплытия они там *были*, а сейчас их там *нет*! Понимаете, сеса?

– И что же, по-ваш-шему, – прошипел старший офицер, – произошло с ними? Унесло течением? Заглотила проплывавшая мимо акула? Гигантский кальмар утащил в свою пещеру?

– Какая бы из перечисленных вами сущностей, – голос тай-и звучал тихо и невыразительно, – ни была ответственна за сей акт, определенно можно сказать только одно. А именно – он-она-оно-они не пользуются человеческим обычаем оставлять после себя визитные карточки... или хотя бы выцарапывать на древних постройках свои имена вкупе с подобающими случаю выражениями. Более того, они приложили немало усилий, чтобы не оставить после себя вообще никаких следов... сеса.

– Интересно, – насмешливо произнес нэко. – Если эти таинственные *они* не оставили никаких следов – за вычетом, разумеется, исчезнувшей цели нашей экспедиции, – то почему вы так уверены в их существовании?

– А что, упомянутого вами следа недостаточно?

– Вы забыли добавить «сеса», Гиити.

Нэко не успел заметить, как капитан «Сагири» оказалась рядом с командиром «Лилий». Миг назад она еще стояла в противоположном углу, а сейчас...

– Да и вообще вид у вас не очень. Сколько суток вы не спали, тай-и? Двое? Трое?

– Три дня и семь часов, тайса.

– Заметно, – сухо сказала Ута. – Очень заметно. Надеюсь, однако, что боевой приказ вы еще в состоянии воспринять. – При словах «боевой приказ» тай-и Гирс предпринял вялую попытку расправить плечи. – Ступайте в каюту, тай-и, запритесь... и если кто-нибудь увидит вас раньше чем через десять часов, то я позволю целителю Спитхеду привязать вас к лазаретной койке – не далее как сегодня он жаждал опробовать на вас это... лекарство.

– Целитель Спитхед, – впервые за время разговора на лице Гиити появилась слабая тень чего-то способного сойти за проявление эмоций, – необычайно трепетно относится к состоянию своих подопечных, но из-за этого он не всегда может в должной мере оценить требования текущего момента...

– Тай-и, требование текущего момента вы только что слышали! Спать!

– Есть!

Двумя короткими скупыми движениями Гирс исполнил «почтение-к-вышестоящему-командиру» и, развернувшись на каблуке, направился к выходу из рубки.

– А вот когда отоспитесь, – ворчливо напутствовала его Бакгхорн, – тогда и явитесь сюда вновь...

– Тайса! – Терпения нэко едва хватило на то, чтобы дожидаться лязга задраиваемой брони. – Возможно, я чего-то не понимаю, но...

– На самом деле... – Тон капитана «Сагири» был по-прежнему сух и обманчиво спокоен. Обманчиво – потому что нэко явственно ощущал, как становится дыбом шерсть у него на спине. Знакомое щекочущее ощущение – когда стоящий рядом старается сдержать не просто чувства, а яростный поток Силы, способный насквозь прожечь дюймовую броню или плоть подвернувшегося в недобрый час неудачника. – На самом деле поиски следовало прекратить еще вчера. Сразу после доклада сесы Амики.

– Но что мы доложим гэнсую Фалькенхорсту? – растерянно спросил нэко.

– Мы принесем ему *весть*. Весть, быть может, не менее, а более важную, чем не доставленный нами груз. Весть о том, что у нас появился Враг!

Глава 5

Где-то на полпути между

Джалуитом и Бугенвилем, Малыш Уин

– Большая черная корабль. – Чтобы придать своим словам больший вес, канак начал кивать с такой частотой, что у Малыша зарябило в глазах. – Паруса нет, дым-труба тоже нет. Моя бойся-бойся – думай, повстречай корабль мертвых. Моя плыви на берег, рассказывай шаман, а шаман уже знай. Шаман говори – это быть большая каное духов тьмы.

– Пит, – вполголоса сказал Малыш. – Помню, я видел в твоём гамаке такую толстую синюю книгу...

– Справочник Нейжа, конечно же. – Избыток переполнявших его чувств вексиль-шкипер выразил чисто человеческим жестом – с размаху шлепнул себя ладонью по лбу. Хлопок был хорош – перепуганный туземец вскочил и попытался броситься наутек, но рука Уина снова пригвоздила его к песку.

– Твоя – сидеть! – веско произнес Малыш. – Или моя твоей ломай плечо!

Небольшая – человек двадцать – толпа близких родичей, дальних родичей и просто односельчан несчастного Хуру отреагировала на последнюю фразу полукровки причитаниями пополам с ругательствами. Двадцать первый же сочувствующий, мальчишка лет десяти-двенадцати, решил перейти от слов к делу и метнул в Уина раковину краба-отшельника вместе с ее донельзя перепуганным обитателем.

Крабу не повезло. Продолжая удерживать Хуру, Малыш свободной рукой поймал раковину, затем стиснул пальцы – и недовольный гомон мигом, словно по велению мага, стих.

– Еще один бросок, – перейдя на местный диалект полинезийского, нарочито громко сообщил Уин сгорбившемуся канаку, – и я сначала сломаю плечо тебе, а потом – тому идиоту, который возомнит себя великим крабометателем.

До сего дня у Хуру не было причин жаловаться на свое телосложение – наоборот, он считал, что боги весьма щедро обошлись с ним, даровав широкие плечи, могучие мышцы и еще много чего, приводившего в восхищение местных красоток и заезжих вербовщиков. Но, видно, боги низкорослых пришельцев были еще щедрее к своим почитателям.

– Нет! Не надо! Пожалуйста, не кидайте в него больше ничего!

– Развлекаешься? – раздался женский голос.

– Работаю, – возразил Малыш, удивленно глядя на подходящую к нему наемницу. – Зато вам, похоже, пришлось по вкусу здешние цветы.

Цветов было действительно много. Небольшой белый венок на голове... еще один, раза в два толще и в четыре длиннее – на шее... плюс цветок за левым ухом... и еще пять цветков, аккуратно вставленных в стволы «шинковалки».

– Жители этого острова – очень романтичные люди.

– Надеюсь, – озабоченно осведомился Малыш, – никого из них вы еще не убили?

– Пока – никого. А что, по-вашему, должна была?

– Нет. Именно поэтому я и спросил.

– Послушайте, Уин, – игриво-романтический настрой Роники, если он вообще был, похоже, испарился быстрее, чем капля воды на сковородке, и наемница вернулась в куда более привычное для полукровки раздражительно-стервозное состояние, – я, да будет вам в который уже раз известно, профессионал. И потому, в отличие от орды дилетантов, делаю только и исключительно то, что мне приказывает мой наниматель.

– А раненые есть?

– Если считать вывих локтевого сустава, который я после сама же и вправила, то да, есть.

– Понимаю, – кивнул Малыш. – Попросить осадившую вас толпу поклонников сгнать прочь и не мешать вам в одиночестве наслаждаться красотами острова вы, разумеется, не смогли?

– Невероятно сложное умозаключение, – зло сказала Роника. – Особенно с учетом того, что вам прекрасно известно: я не владею ни одним из здешних тарабарских наречий.

– Я предлагал вам свой словарик, – напомнил Малыш. – Вы сами отказались.

– Еще бы! К вашему корявому почерку, любезнейший, нужно приставлять отдельного переводчика.

На самом деле почерк у Малыша был типично гномий – то есть, по человеческим меркам, весьма и весьма каллиграфический. Настоящая же причина отказа, как позже под большим секретом поведал Уину вексиль-шкипер, заключалась в неумении мисс Тамм читать на Старой Речи.

– По крайней мере, вы могли бы взять с собой одного из матросов.

– Неужели? Как вовремя вы мне это сообщаете!

Дальнейшую перебранку прекратил Викки, появившийся с толстенным синим фолиантом под мышкой. Звуки, которые он при этом издавал, были чем-то средним между хрипением загнанной лошади и могучим выплеском касаток.

– Вот! – торжественно провозгласил он, роняя справочник на песок перед испуганно дернувшимся Хуру. – Ищи!

– Искать? – вытаращился канак. – Кого моя искать?

– Корабль, который ты видел, дубина! – рявкнул вексиль-шкипер. – Если найдешь его в этой книге – получишь пятьдесят... нет, тридцать... пятнадцать пачек табаку. А если не найдешь...

– ...то я сломаю тебе плечо, – деловито сообщил Малыш. – Твоя моя понимай? Хорошо понимай?

– Понимай-понимай-понимай, – Хуру вновь принялся подражать китайскому болванчику. – Моя не хотеть ломай плечо, моя хотеть табак. Моя смотреть сильно-сильно старательно.

– Ну и зря, – пятью минутами позже сказала Роника. – Толку-то...

– Не мешайте ему, пусть хоть картинки красивые посмотрит.

– Я и не мешаю. Просто...

– «Просто» – что?

– Просто он очень подолгу их рассматривает, – пояснил Уин.

– Можно ускорить. – Викки наклонился и, не обращая внимания на негодующий вопль, зашуршал страницами.

– Броненосцы, – задумчиво бормотал он, – явно не подходят. Большие неуклюжие калоши... назвать их стремительными у меня язык не поворачивается.

– Ну и миноноски туда же, – заявил Уин.

– Эти-то почему?

– Океан, он большой.

– 3-замечательное объяснение.

– Полагаю, – быстро сказал Викки, – Малыш просто имел в виду, что маленькие корабли не обладают достаточной для Тихого океана автономностью и мореходностью.

– Эта! – неожиданно взвизгнул Хуру, тыча пальцем в рисунок на развороте. – Корабль мертвых! Совсем такая, как я видел.

– Броненосный крейсер «Аянами» во время прохождения мерной мили, – вслух прочел Малыш надпись под рисунком. – Крейсер типа «Хайяте», построен фирмой «Армстронг-Глоин» в Эльсвике, предположительно модернизирован в Нагасаки. Полное водоизмещение – 9800 регистровых тонн. Бронирование, вооружение, ходовая установка предположительно изменены в ходе модернизации... хм, логично, трубы они для чего-то срезали.

Серия из четырех однотипных крейсеров: «Хайяте», «Осио», «Сагири» и «Аянами» – строилась по заказу Найтморленда.

– Ффад мзарги! – выдохнул Викки. – Вот только Ночных Эльфов нам не хватало!

– И что теперь? – с интересом глядя на враз поскуцневших гномов, осведомилась Роника.

– Хороший вопрос...

– Моя нашла правильную картинку, – жалобно проныл Хуру, плечо которого все еще удерживали стальные клещи гномьих пальцев. – Ваша отпустить меня, а?

– Отпусти его, Малыш.

Освободившись от захвата, канак по-крабьи, на четвереньках отбежал на десяток ярдов и лишь там осмелился разогнуться. Возвращение к более привычному для гоминидов способу передвижения, видимо, добавило ему еще немного отваги.

– Ваша, – выкрикнул он, прячась за ствол кокоса, – обещала еще тридцать пачек табаку!

– Пристрелить его? – предложила наемница.

– Ты же профессионал, – напомнил Уин.

– Вот именно. – Лязгнул затвор. – А он – источник ценной информации.

– Большую часть этой информации он уже разболтал всем, кому только мог.

– Зато если я сейчас распилю его напополам вместе с пальмой, – возразила мисс Тамм, – он никому не сможет рассказать о нас.

– Пит?

– Отставить, – с видимой неохотой скомандовал вексиль-шкипер. – Мне, конечно, тоже хотелось бы навсегда заткнуть эту наглую болтливую пасть. Но боюсь, смерть лишь придаст его рассказам дополнительный вес, а нам это вовсе ни к чему... Пятнадцать пачек! – крикнул он, обернувшись к Хуру. – Не тридцать, а пятнадцать, и ни пачкой больше!

– Моя согласна!

– Еще бы твоя рожа не была согласна, – проворчал Викки. – Роника, проводи его к вельботу и скажи боцману, чтобы выдал десять... ну ладно, пятнадцать пачек табака. Да, и еще! По пути постарайтесь как можно доходчивее разъяснить мистеру Хуру сущность понятия «нем как могила»!

– А вы?

– Мы пойдем следом.

– Но прежде, – наклонившись, Малыш подобрал справочник и начал методично считать с бархатной обложки налипшие песчинки, – нанесем визит шаману этого милого острова. Шаману, который, если не критично отнестись к нашему источнику ценной информации, знал о корабле еще до рассказа мистера Хуру... и, похоже, знал больше его.

– Вы что, всерьез считаете, что какой-то увешанный трещотками сморщенный старикашка-папуас...

– Мисс Тамм, – укоризненно качнул головой Уин. – При вашей-то нелюбви к одежде... я ожидал от вас более снисходительного отношения к тем, кто также предпочитает не обременять себя расшитым звездами балахоном, мантией и прочими отличительными знаками преуспевающего лет эдак четыреста-пятьсот назад мага.

– При чем тут балахон и мантия?! Я, – наемница ласково провела рукой вдоль цевья «шинковалки», – определяю все намного проще. У кого пушка лучше, тот и прав!

– Хороший метод, – согласился Малыш. – Но иногда он может не сработать.

– Например?

– Например, – медленно произнес полукровка, – если вы повстречаете кого-нибудь, кому большая пушка будет просто-напросто не нужна.

– До сих пор не встречала!

– Все когда-нибудь происходит впервые...

Роника ошиблась трижды. Во-первых, шаман Фуатино не был папуасом – в его жилах явно преобладала полинезийская и, как после короткого раздумья решил Малыш, маорийская кровь. Во-вторых, он не был увешан трещотками, равно как и иными подобными атрибутами – на нем имелся лишь венок из кассий и желтая ситцевая рубашка. В-третьих же, Ооми не был сморщенным старикашкой. На вид ему было лет тридцать пять – сорок, он был высокого роста, отлично сложенный – ему мог бы позавидовать если не Аполлон, то уж наверняка добрая половина древнегреческих скульпторов – и с живыми, умными глазами. Именно так – глаза шамана вели себя независимо от невозмутимо-каменной маски лица. Описать это словами сложно, но Уин ничуть бы не удивился, если бы эти глаза покинули предписанные им анатомией места и принялись летать вокруг гостей наподобие экзотических насекомых.

Облюбовавшая же правое колено Ооми девушка явственно свидетельствовала, что если цветущий вид шамана не более чем иллюзия, то иллюзия на редкость качественная.

– Долго же вы до меня добирались, – заявил он.

– Долго? – удивленно переспросил Викки. – А с чего вы решили, что мы вообще к вам придем?

– Ну не дурака же Хуру вам спрашивать о корабле Ночных Эльфов, – невозмутимо отозвался шаман.

Вексиль-шкипер закашлялся.

– Откуда... кха-кха-кха... вам известно о Ночных... кха-кха-кха... Эльфах? – выдавил он.

– Пять совершенов.

– Кха-кха... ЧТО?!

– Пять совершенов.

Подавшись чуть вперед, шаман прошептал что-то своей пассии. Заливисто рассмеявшись, девушка вскочила, танцующей походкой пошла к хижине. Стоя на пороге, обернулась – эге, да у нее самой способности хоть куда, подумал Малыш, чувствуя, как от посланного ему взгляда начинает бурлить в жилах кровь, – и скрылась за пологом.

– Совершены – это такие золотые монеты, – пояснил Ооми. – Чеканит их Казначейство ее величества. Они...

– Я знаю, что такое совершены! – рявкнул оправившийся от шока Викки. – А чего я не знаю – так это с чего ты решил, что я должен заплатить хотя бы один золотой!

– А куда, – в тон ему отозвался шаман, – ты денешься?

– А может, ты все-таки перепутал фунты с фартингами?¹⁵

– Возможно, – примирительно произнес Малыш, одновременно делая шаг вперед и вбок, дабы загородить шамана от пылающего праведным гневом Пита, – мой товарищ будет более сговорчивым, если вы все же ответите на его вопрос: откуда вам известно о Ночных Эльфах?

– Умный патамучта!

Эти слова шамана мгновенно воскресили в памяти Уина образ коллеги Ооми по заклинательному цеху – Старшего Шамана гоблинов Кривого Ручья Ыгыра Ойхо Третьего.

– Ну, ты!..

– А отец мой, – проигнорировав окрик Викки, продолжил шаман, – тоже был умный... и предусмотрительный. И учиться меня посылал не только к старому Тупухито на Бора-Бора, но и в миссионерскую школу на Таити. К сожалению, – прищурился Ооми, – больших успехов в изучении Священного Писания я так и не достиг, а вот политическая география мне пришлось

¹⁵ **Совершен** – монета в 1 фунт стерлингов (7,322 грамма чистого золота). Золотой была также и монета в полсоверена. Для сравнения, монета в 1 доллар была почти всегда серебряной, немецкая марка, за одним редким исключением, чеканилась в золоте начиная с номинала 10 марок (3,583 грамма чистого золота), рубль – с номинала 5 рублей (3,871 грамма чистого золота), французский франк – с номинала 10 франков (2,903 грамма чистого золота). Фартинг – самая мелкая монета английской денежной системы, в одном фунте было 960 фартингов.

по душе куда больше. Вдобавок на острове имеется агент Компании Бьорка, а у него – хрустальный шар. Правда, – задумчиво добавил шаман, – его шар с трещиной и довольно мутный. Мой собственный больше и совсем новый – в хорошие дни могу связаться даже с Утироа.

– Острова Гильберта? Неплохо...

– Я ж говорю – хороший шар. Так что видите, мы хоть и на задворках того, что вы, пришельцы из Большого Мира, именуете своей цивилизацией, но не так уж оторваны от нее. Порой даже, – нахмурившись, мрачно добавил Ооми, – куда меньше, чем нам бы того хотелось.

– Пит, – развернулся Малыш к вексиль-шкиперу, – дай ему пять соверенов.

– Что-о-о? Да я...

– Ты, – оборвал его Уин, – заплатишь ему эти пять соверенов, пока он не потребовал больше!

– Ха, – фыркнул шаман. – Слышу голос разума.

– Но ты ведь даже не попробовал поторговаться! – возмущенно прошипел Викки. – Даже не попытался сбить цену!

Малыш устало вздохнул.

– Викки, – полукровка надеялся, что его шепот звучит достаточно проникновенно, – пойми, этот парень держит нас за глотку. И знает об этом. Я повидал достаточно таких – и здесь, и в других местах. И потому тоже кое-что знаю... об их повадках: если ты попытаешься уменьшить его цену, он начнет ее поднимать. А позволить себе просто развернуться и уйти мы сейчас не в состоянии.

– Понял-понял, – угрюмо проворчал вексиль-шкипер, берясь за завязки кошелька. – Не такой уж я и дурак, как иногда стараюсь казаться. Хотя, вообще-то, набавлять цену при торговле – это исконно гномская привычка.

– Долгими Эпохами общаясь с нами, гномами, – сказал Малыш, – представители иных рас переняли немало такого, что мы желали бы оставить в своем безраздельном пользовании.

Заполучив в свои лапы пять желтых кругляшей с гордым королевским профилем, шаман, однако, не пожелал сразу сменить гнев на милость и устроил – как решил Уин, специально для Викки – целую церемонию проверки подлинности, подобную той, которую проводили предки обоих гномов в бесчисленных меняльных лавках средневековой Европы. У Ооми нашлись и весы, и контрольная игла, и даже добытый откуда-то из-под рубахи «эталонный» соверен, с которым шаман придирчиво сравнил каждую из пяти монет.

Как ни странно, эта церемония оказала на вексиль-шкипера умиротворяющее воздействие – по крайней мере, с виду. Но, уловив в уголках глаз Викки затаенный кровожадный блеск, Малыш с тревогой подумал, что мнимое спокойствие было вызвано вовсе не милым сердцу любого истинного гнома звоном золота, а отвлечением внимания командира «Сына Локи» на подсчеты типа: какую часть боезапаса потребуется израсходовать для того, чтобы гарантированно изничтожить на Фуатино все живое, вплоть до планктона в лагуне, и как впоследствии оправдать этот расход в отчете для Канцелярии Сырых Дел.

– Так о чем вы хотели меня спросить? – наконец проговорил шаман.

– О Ночных Эльфах.

– Ну да, точно. Первый раз они появились в здешних водах еще при моем отце, лет тринадцать назад. Особо ничем не выделялись – кроме, пожалуй, манеры, чуть что, пускать в ход черную магию. Потом уплыли куда-то на юг – и больше мы о них ничего не слышали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.